

СТОЛКНОВЕНИЕ
СБОРНИК РАССКАЗОВ

ГЛЕБ КОВЗИК

18+

Глеб Ковзик

Столкновение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70111330

SelfPub; 2023

Аннотация

Столкновение с необычным, неприятным, агрессивным, сильным или чужим. Это то, что объединяет семь рассказов в настоящем сборнике. Столкновение одномоментно? Или оно происходит несколько раз? Когда мы понимаем, что акт столкновения вызвал внутри нас противодействие? Есть ли логика в столкновении? Или столкновения внезапны и неизбежны?

Содержание

Катанга	4
Сдобный голубь	65
Стажер	84
Электрический кот	105
Праща небесная	110
Клоп	129

Глеб Ковзик

Столкновение

Катанга

1

Джон Хиндли служил в офицерах при одном штабе Терра-Империи. Карьера шла ровно и удачно: из академии в рестораны, из ресторанов в закрытые клубы, всюду связи, всюду знакомства. В День перерождения, случающийся раз в пятьдесят лет, парень не ожидал подвоха. «Это меня не касается, – думал он, выходя из душа. – Можно не волноваться. Сейчас рисуются большие перспективы, просто жуть! Кстати, где моя Кэрри?»

Каково же было изумление Джона, когда отовсюду, из всех устройств, из смартлинз и через нейролинк ему громко и ясно сообщили, что он избран быть перерожденным.

Никакого промедления. Никаких долгих сборов. Никакого права на апелляцию. Утреннее сообщение подтверждается вступительным церемониалом, чрезмерно громким и публичным. Погоны срываются, звание отбирается, накопленные коврижки уходят к молоденькой Кэрри, жене, поцеловавшей его в румяную щёчку перед отлётом. Прощаться с парнем пришла только она, все остальные многочисленные

друзья, приятели, коллеги то ли от страха, то ли от радости, что лотерея с красной картой неудачи их не затронула, предпочли заняться своими привычными делами.

Всё, что у тебя остается после Дня преобразования, лишь прежнее имя. Впрочем, никто не запрещает отречься и от него.

Торжественная церемония, когда избранных с улыбками и признательностью изгоняли из общества ради великой миссии – удалиться из старого мира и создать новый, – состоялась в зимнюю ночь, под крупный снегопад и неоновый огонь фонарей. Ветер колюч, жег уши и лицо, но собравшимся не давали ни одного шанса на отказ.

На транспортном корабле «Смиренная Ева» Джону, молодому и уже обиженному судьбой, поведали про будущую службу.

– В рассечённые на двадцать лет? Меня, кадрового офицера, да заставить грязь месить руками?! – возмутился Джон.

– Да ну? Что ты говоришь, ай-яй. Ну так не голыми руками же. А хочется, чтоб разобрали на запчасти? Знаешь, у контрабандистов на Дальнем круге в большом почете космические корабли с естественным человеческим мозгом... – Надзиратель выписал ему жетон и махнул рукой на прощание. – Не зли Терра-Империи, парнишка! Отныне мы твоя Семья!

Рассечёнными называли людей, чье сознание использовалось для управления нескольких десятков, а то и сотен ма-

шин. Любой вам скажет, что это страшная работа, годящаяся разве что для пропащих: «Ты не живешь, а проживаешь в теле машин». Фантасты в прошлом мечтали о разумных роботах, свободно разгуливающих по улицам и занимающихся изнурительным и грязным трудом. В Терра-Империум безопасности ради предпочли не давать свободы никому, в том числе искусственному разуму. Так и появились рассечённые, изумительный паллиатив вместо разумного робота-трудяги.

Пролетарии в новом тысячелетии ныне продают не труд, а сознание. Валюта ценнее золота и платины – единица времени.

Никто из здравомыслящих на превращение, пусть и временное, в овоща добровольно не подписывался. К тому же поползли слухи, что от рассечения мозга со временем в кисель свариваются. Однако потребности Близкого Круга росли, да и Основной Круг, в котором располагалась первая сотня устойчивых колоний-миллионников, подгонял, превращался в обремененное и прожорливое дитя, требующее всего и вся.

Пока «Смиренная Ева» двигалась, подобно выстрелянному рогаткой семени жизни, на немислимой скорости вдоль заселенных звездных систем, главное задание несколько раз переопределяли из-за весьма динамичных геополитических амбиций столицы. Конечным пунктом оказалась планета Катанга из Дальнего круга: топкая, болотистая, с полусумра-

ком и редкой фауной, но с приличным химическим составом атмосферы и чистой биографией – отсутствием катаклизмов.

Выйдя из корабля, Джон увидел перед собой синюшный край с карликовыми деревьями и мелким кустарником, водянистой землей, хлюпающей под подошвой, и тихо пролетающими мантами, могучими и издающие могучий утробный звук. Кто-то вдали, у самых гор, ухал и охал, стелился туман.

– Необычно дышится, – сказал Отец, положив руку на плечо Джона. Хотя его голос звучал волнительно, по всему телу, однако, прошло тепло успокоения, послышались в разуме нотки энтузиазма.

– Слишком много сини, – ответил Джон. – Тут определенно есть чем заняться.

Грузовой отсек оторвался от «Смиренной Евы», оставив припасы и оборудование для зачина; сам корабль поднялся в небо и сбежал за облака. Триста колонистов, один Надзиратель со старшим помощником по фамилии Гаррисон, и Отец, человек, обязанный сопровождать любую Семью, высланную в День преображения покорять новый мир.

Надзиратель, мужчина, обменявший пятый десяток, с усами и хитроватым прищуром, объявил, что колонистам необходимо возвести колонию, столь необходимую для блага и в честь Терра-Империи в этом звёздном секторе. С построенной колонией, сказала командующая голова, придет и дол-

гожданная свобода:

– Благодарностью станет генетический ключ свободного поселенца. Туда-сюда, двадцать лет пройдет, и вы вольные птицы.

Уже вечером, разойдясь в только что напечатанные казармы, чистые, белые, пахнущие пластиком и ярко освещенные, Джон заметил удивительную несуразицу. Он молчал, продолжая испытывать то тяжелое чувство надрыва, как после катастрофы; избегая возможной социальной неуклюжести, парень ходил понурым наблюдателем. Но кто-то рядом нет-нет да прыскал в кулак, наблюдая собственными глазами величие, имеющееся на богом забытой Катанге. Из небольшой компании, играющей в карты, послышалось простодушное «Я не понял, а где же бабы?»

2

– В самом деле, намудрили. Женщины будут! Мне обещали, – заверил Надзиратель, пряча лысину в военной фуражке. Лысина сильно лоснилась и подгорала даже от бледно-голубого солнца Катанги. Собравшиеся у его дома, двухэтажной постройки с флигелем и мелким зубчатым забором, недоуменно иронизировали про будущее Семьи без женщин. – А теперь за работу, недоумки, а то отожрались в полёте на казенных харчах. Ишь ты, лоботрясы объявились!

Надзиратель колонистам не солгал, и через неделю на терминал упало письмо-извещение: «Второй корабль заблудился. Ждите». Его самого искренне удивило, что дегенераты

из столицы додумались отправить изгнанников без женщин. Отец не находил в случившемся казусе ничего ужасного: монастырская жизнь ему знакома не понаслышке.

Джону хотелось, чтобы прислали его Кэрри. Все остальные искали утешения, строя надежды на будущую семью.

Надзиратель, выслушав просьбу, неудачно разыграл вежливое словоблудие:

– Ну, понимаешь, дело ведь какое. День преобразования – это не праздник, это жопа, а она приходит не к счастью, а к напалу. И тем, к кому пришла жопа, а особенно такая, как наша, удача не соизволит получить чего-нибудь приятного. Забудь о прошлом. И вообще, тебе бы пора очнуться и понять, какая судьба на тебя легла, все-таки стал избранным.

– Да уж, как раз судьбу свою я понимаю очень хорошо, – лицо Джона выглядело удрученным.

Надзиратель всем выдал индивидуальную карту работ, а Гаррисон разбросал людей по коллективам.

– Я черкану письмо, – сказал Надзиратель Джону.

Два года колония жила без второго пола, удовлетворяясь электрическими снами и душем. Поселок, быстро возведенный, после нескольких человеческих исчезновений, произошедших ночью, от греха подальше оградили лазерными сетями.

Катанга, показавшаяся поначалу безразличной к гостям, оказалась пассивно агрессивной, реагировала на любую деятельность колонистов – топила в своей трясине автозаво-

ды, харвестеры, технопосты и пищевые фактории. Машины застревали, гнус кусался, экстракторы громко бурчали и не выдавали необходимые материалы вовремя. Людей изматывало, то и дело они напивались, дрались словно специально насмерть, принялись устраивать лихие игры на левитаторах.

3

Джон двигался по тропе, усеянной смартметками. Су-мрачно, небо плакало, в ногах шелестела красная травинка. Рядом порхали манты, недовольничали и гудели из-за развернувшейся на земле деятельности.

Каспер, подключенный к градителям, паукообразным машинам, не шевелился, изредка лишь конечности пробирало импульсивной дрожью. Джон ударил ладонью по стеклянно-му автоклаву.

– Ну-ка очнись!

Открывший глаза Каспер испуганно вышел из губерна-ции.

– Выпьем? – предложил Джон, держа бутылку мутного грибного чая. – Мне сегодня на вахту. Хочется поговорить.

– Черт побери, солдатик, разве можно так безбожно вы-таскивать из губернии? В следующий раз прикажу своим доходягам сплести из тебя кокон.

Каспер, пошатываясь, вылез из автоклава, закрыл его, и принялся делать легкую гимнастику, сбрасывать с себя накопившуюся онемелость. От прыжков летели брызги.

– Сколько получилось? – спросил Джон, наливая в пла-

стиковую кружку дымящийся чай. Отпив пару глотков, Каспер подержал ответ, подсчитывая количество в уме.

– Ну-с, наверное, три экстрактора полностью готовы и уже выращивают биобатарей. Остальные возвращаются, итого будет семь-восемь.

– Три?! Да ты шутишь. На прошлой неделе Аарон управился с десятью, не вспотев даже.

– Не борзей, солдатик. У него экстракторы подошли, не прижились в болоте. И потом, мы куда-то торопимся?

«И то правда, куда мы торопимся?», подумал Джон. Его осенило, что соревнование между ними придавало какой-то смысл в последние месяцы.

Морозящий дождик заставил этот край ненадолго посереть. Здесь ещё не властвовал человек: болотные поля, окрашенные в красный цвет, только булькали и впитывали в себя влагу. Джон присел к Касперу, допивавшему вторую кружку, присмотрелся к нему. Редущая голова, большие мешки под глазами, непонятные шрамы на затылке...

– Пальцы щиплет, – пожаловался он, показав бледную пятерню. – Наверное, эта зараза виновата.

– Ты про местные болячки? Отец вроде научился лечить.

– Да не, я не про это... – Каспер подбородком махнул на автоклав. – А вот про неё. К Отцу захожу редко.

– Почему? Не помогает?

– Не нравится, что в моих мозгах копается кто-то кроме меня, – признался Каспер.

На горизонте замигал желтым новенький экстрактор. Джон однажды видел, как устанавливает один из таких его приятель. Паучьи машины плетут широкое, диаметром в двадцать метров, кольцо, из которого сотнями исходят пластичные и прозрачные дуги. Как тонкие нити, они проникают в студеную жижу, пускают там корни, заставляют мутировать местную микрофлору, внедряя культуру экзоэлектрогенных бактерий; обратно по дугам возвращается добытая в болоте энергия. Когда экстрактор вырастает, кольцо выращивает на себе мешки для энергетических ячеек.

Никто не может сказать, живые ли эти экстракторы, или же очередные машины, только немного более изощренные в деле.

– О, готовенький! – радостно воскликнул Каспер, потирая ладони.

– Как думаешь, мы тут надолго? – внезапно спросил Джон. Напарник, только что радостный, изменился в лице.

– Нормально же общались, ну, чего приспичило?

– Да так, покоя себе не нахожу. Понимаешь, я оставил целую жизнь позади. Вот как от неё отказаться? Такие бешеные были перспективы, не вылезал из ресторанов, копил на удобную должность, рисовался перед всеми, чуть что, мигом подмазывался к нужным людям. А потом случился этот проклятуший день, чтоб сгинули его создатели! И хоть бы кто пришел попрощаться со мной. Одна только Кэрри и явилась...

Каспер хихикнул.

– Что тут смешного? – раздражился Джон.

Напарник опешил, извинился, при этом взгляд его полон удивления, не меньшего, чем у Джона, словно он не хотел смеяться, как-то само вышло.

– Это, солдатик, у тебя от того, что живешь историей. Было и было.

– Легко говорить. На Земле я ощущал за собой силу, а тут оторван, обломан, контужен. И чем я занимаюсь? Опыляю маршруты смартметками, ага, как полезно – получаю карту и вперед, летаю пчелами!

– Не самое плохое занятие... – Каспер, усмехнувшись, на секунду повернулся к автоклаву.

– Ну, чепуха, заканчивай.

– Так всегда бывает, солдатик. Судьба! Каждый человек умирает, где ему суждено. Может, тебе удастся покинуть Кантангу, но я не слышал баек про вернувшихся изгнанных. Для того нас изгоняют, чтоб не возвратились. Дождись баб, заведешь семью, вырастишь детишек, красота...

– Да что вы всё к бабам этим прилепились, бабы да бабы! Не было их, и нет, что с того?

Каспер невинно пожал плечами.

– В политике не разбираюсь, оно мне до причинного места.

– Повторю, тебе легко говорить слово «забудь». У меня была перспектива, вот такая! – Джон развел руки в стороны, стремясь охватить как можно больше. – А что было у тебя?

– Рубины. Я на рубинах зарабатывал. С Венеры гонял, кажется.

– Кажется? – спросил Джон.

– Я точно не вспомню. Муть вместо памяти у меня. Как-нибудь расскажу, в другой раз.

Гнус, собравшись в рой, принялся атаковать сидящих. Каспер, надев капюшон, по-дружески похлопал по плечу Джону.

– Спасибо за чай, но пора за работу, солдатик. Не то припрется дурной Гаррисон, да заставит на три вахты отпахать в полях без отдыха.

В один летний день, наполненный влажной духотой и вонью от местной флоры, которая долго перегнивала в отвалах, образовавшихся во время строительства поселка, в небе появилась звездочка. Она росла, вытягивался её хвост, всем стало ясно, что это и есть долгожданный корабль, обещанный Надзирателем. И Хиндли, не раз запрашивавший прислать к нему Кэрри, впервые улыбнулся с начала каторги.

Но небесному летуну нездоровилось. Звездолет трещал в воздухе, отвалилось крыло и запылал корпус; наконец, он врезался в гору, проехавшись днищем сотню метров. Каторжане кричали, и вместе с ними по всей планете громко гудели машины, подключенные к их сознанию.

Тут же снарядили спасателей, отправили дронов и большой медицинский автобот.

Хиндли ходил по склону вместе с Каспером, за ними тонкой линией двигались маленькие боты, сканируя пространство на предмет незамеченных следов. Джон и Каспер легко сошлись и теперь неразлучны – оба твердили, что их отправили зря, что им суждено вернуться в Главный круг. Каспер говорил, будто его избрали по нелепой бюрократической ошибке, якобы Надзиратель, толстая задница, не хочет разобраться в нелепице и вернуть честного труженика на Венеру. Когда его спрашивали, почему так хочется туда вернуться, Каспер открывал рот в мучении: похоже, в наказание за преступление ему частично стёрли память.

Остальные поселенцы не горели желанием возвращаться,

но жить на Катанге в радости на электроснах и душе у них больше не получалось.

Каспер гоготал и плакал одновременно, но непонятно было, вызваны ли эти слёзы расстройством, что люди погибли, или от того, что долгожданных женщин привезли не в целости и не в сохранности.

– Мы тут сиськи две недели собирать будем! – Каспер находил на камнях человеческие останки, громко бранился, бурно смеялся и потом опять бранился.

– Хорош орать! – Джона возмущало, как ему приходилось сменить офицерские балы на топкие болота в компании бандитов.

– Привыкай к простому народу, брат. Мы такие всегда. У нищесбродов культпросвета нет.

– А то я не знал. Господи, я так боюсь найти в обломках Кэрри.

– От чего ж?

– Да поломало меня. С ней было бы поспокойней. Глядишь, быстрее каторга пройдет.

– Не об этом речь. Солдатик, ты почему поверил, что она бы полетела к тебе?

Джон не ответил. Тогда его приятель, дабы прервать нервную тишину, а может, желая избавить человека от иллюзий, безнадежно заявил:

– Из этой академии, похоже, никто не уйдет. Всё, амба!

Джон не захотел развивать эту тему, поэтому ускорил шаг.

Выживших в тот день нашли аж две с половиной: одну из трёх порубило пополам, но в медицинском автоклаве её вовремя подлатали, превратив в диковатого киборга. Девушки, как выяснилось из допроса, были каторжанками, высланными из Ближнего круга куда-то к черту на рога. Надзиратель предложил им остаться.

Тотчас пошли кривотолки, что на двести девяносто мужчин (столько осталось после болезней и аварий) приходилось всего две женщины и «одна вторая», что этого мало и, вполне может быть, скоро случится психо-бунт.

5

– Мы тебя о многом просим? – кричал на Надзирателя бородастый двухметровый Оли. – Я ковыряюсь с утра до ночи в горах, разведаль хренову кучу полезного дерьма. Сколько это в кредитах? Ага, много! И мне за то, что беспробудно ломаю спину, не могут прислать девок!

– Пожалуйста, успокойтесь. Откуда в вас столько ненависти и злобы? – растерянный Отец стоял между Оли, Надзирателем и женщиной, избитой до полусмерти.

Часом ранее в баре кто-то шепнул Оли, что его Алисия наставила рога. Двухметровый бородач, сидя на вершине горы, безвылазно командует геологической разведкой: множество дронов, как нюхачи, искали для Терра-Империум драгоценные руды. На Алисию покусились, да и она от обилия внимания тоже расцвела.

Увещевания Отца про то, как им следует переносить

невзгоды и избавляться от греха, были отброшены с порога и растоптаны благим матом.

Надзиратель очень мягким тоном написал шелковое письмо в столицу, с просьбой прислать хоть каких-нибудь колонисток, пока не стало слишком поздно. Ответ пришел через месяц. Сначала было высокопарное извинение перед Надзирателем, так как письмо застряло между Альфа Центавра и Большим Псом: кто-то из бездарных мелких чиновников, у которых, как известно, амбиций больше, чем вся галактика, посчитал донесение наглой дезинформацией или «идиотской шуткой, вредящей геополитическим интересам Терра-Империи»: утверждается, что проблема с психо-бунтом решена давно, поставлена жирная точка. На второй странице, в одной строчке и тоном мямлящего и бесстрастного человека, значилось сожаление из-за гибели людей в катастрофе звездолета. Также сообщалось, что геополитические интересы Главного круга в отношении Катанги изменились, никакой гражданской администрации на планете не предвидится и Надзирателю отныне велено «соблюдать основное право в тех объемах, в каких это реалистично без угрозы волнений и саботажа на производстве». В конце сказано, что ждать новых колонисток не следует, но добыча остро востребованных материалов должно продолжаться в прежнем темпе.

– Что бы это могло значить? – спросил Гаррисон.

Надзиратель, пивший бренди, тихо присвоенный из первоначальных запасов, возбужденно заговорил.

– Получается, мне вдуплили всю власть без каких-либо средств реализации. Ты охранные боты видел? – он указал граненым стаканом в сторону закрытых дверей.

– Видел.

– Я провел, ик, инвентаризацию. У них нет патронов, запчастей и чертежей для воспроизводства.

– Как так? – Гаррисон ужаснулся от мысли, что их защищают летающие болванки.

– Ой, да что ты хочешь? Меня записали в штат колонии за день до отправки, нарисовали на погонах звезду полковника, ик, и пожелали удачно дрючиться на каторге. Когда я должен заниматься всем сразу? Ты, брат, и то лучше знаком с нашим положением. До сих пор всё держится на угрозах и обещаниях. Ты знаешь, что будет, если они узнают правду.

– А что же с требованием колонистов? – спросил Гаррисон.

– Ты про баб?

– Про женщин, – мягко поправил Гаррисон. – Отец не справляется с... садистскими наклонностями некоторых личностей. Психо-бунт, о котором предупреждали в предполетном инструктаже, видимо, несколько более реалистичный сценарий, чем предполагалось. Я просмотрел данные последних медосмотров. Характеристики психического состояния колонистов выглядят грустно. А прошло всего-то три года! Похоже, деформация от рассечения дает о себе знать.

– Как-то доводилось служить в Дальнем Круге, пятый инженерный полк, может, слышал про нас. Вроде сослуживцы были закоренелыми вояками, а вели себя, как наши изгнанные. Если не дать надежду этим дятлам, то вскоре зверье примется рвать глотки. В списках только двое с красивой биографией, остальные беспредельщики, убийцы, ренегаты, воришки, насильники, сомнительные дельцы и спекулянты. Сдается мне, что случайности в этой лотерее неслучайны.

Гаррисон задумался, насколько всё-таки справедлив День преобразования в Терра-Империи.

– Мне не нужен психо-бунт, – сказал Надзиратель. – Тебе, кстати, тоже. Вижу, метишь в генералы, выслуживаешься... Да не бузи, не обижайся! Психо-бунт станет черной меткой на нашем обратном билете. Как только выполним все поставленные задачи, запрошу замену. Как тебе идея служить на Юпитере?

Надзиратель допил бренди, громко поставил на стол стакан.

– Баб нужно достать. Этим письмом нам развязали руки, понимаешь? Короче, займешься делом немедленно. Только молча! Отцу не говори ни в коем случае. Я поговорю с ним лично, когда придёт время.

Гаррисон удивленно посмотрел на Надзирателя, но тот даже бровью не повёл.

– То есть как достать? Это же человек, а не товар.

– Зелень, учись молча. Дам контакт. Свяжешься с человеком по моей линии. Её шифруют под технический канал для корректировки нуль-порталов, риск почти нулевой. И будь предельно осторожен.

За окном послышался шум, отвлекший от разговора.

6

Рассеченные, находясь под градусом и накаляясь от разбушевавшегося Оли, устроили в одной из казарм некое подобие схода.

– Значит так, ребятушки. От двух папашек ждать манны небесной мы будем ждать вечность. Пошел третий земной год, как нас кинули, обманули, выбросили, как утиль, на планету без всякой надежды. Обещанного три года ждут, говорят, ну так вот, время прошло. Что такое Катанга, как не каторга, а мы её каторжники, так?

– Так! – крикнула толпа.

– У меня, ребятушки, есть предложение – либо взять дело в свои руки, либо надавить на шею Надзирателю так сильно, чтобы не отвертелся!

Речь Оли поддержали почти все.

– Дождемся первого торговца, хапанем его корабль и свалим отсюда, а на колонию, папашек и надзирателей, на этот день преобразования чихали мы! – кричал Оли.

Выстрел резко оборвал оратора. Столь точное попадание не оставляло ему ни одного шанса. Воспользовавшись секундой, полученной от замешательства и непонимания, что про-

изошло, Надзиратель прошел к телу и посмотрел на собравшихся.

Пистолет был в кобуре.

– Мы слышали достаточно, да, Гаррисон?

– Так точно, – помощник осмотрел мертвого Оли. – Где Отец?

– Каталогизирует флору на юге, – робко ответили из толпы.

– Вызовите его. Похороните тело в топи, – сказал Надзиратель.

– Но как же так, Надзиратель? – спросил Каспер. – Зачем, для чего эта расправа? Ну, пошумел человек, так почему за это полагается пуля в лоб?

– Никто отсюда не уедет, пока не будет исполнено предназначение Семьи, – громко заговорил Надзиратель. – Вы отобраны для великого эксперимента, который длится больше пяти веков. Терра-Империиум, ваша мать, воспитавшая, поднявшая на ноги, даровавшая жизнь, сейчас требует от вас исполнительности и подвига. Никто не получит генетический ключ от меня, пока миссия успешно не завершится. Точка. Оли предал Семью, предал меня, предал Терра-Империиум, преступил через красную черту, и его постигло наказание.

Среди рассеченных возникло замешательство.

– У нас большой вопрос. Допустим, мы вас поняли, бузить не разрешено. Но вы обещали исполнить одну просьбу. Звучит странно, когда от мужского коллектива требуют созда-

ния Семьи и благоденствующей колонии... Даже если нас не сожрут местные медведи, как продолжать эцсамое? Матку отрастить? – после этих слов толпа вновь загудела.

– Мы работаем над этим. Ваша задача исполнять план. Моя задача достать всё необходимое.

Каспер спросил, что делать с уже имеющимися женщинами. Надзиратель ответил кратко:

– Да что угодно.

На продолжившемся сходе решили, что женщин, спасшихся с недавнего кораблекрушения, отныне считать ничейными, что их следует передавать замуж на строго определенные сроки: молоденькую выдали на один год, а пожилую отдали на полгода; «одна вторая», как порченная, воспринималась таковой во всём, поэтому ей брак не полагался.

Впрочем, эти сроки, судя по лицам, соблюдать никто не собирался, и голодные от скуки каторжане нередко будут приобретать жену на час через карты или бартер ворованного.

Возмущения женщин не выслушивали.

Джон Хиндли всё это время стоял у порога, грыз синтетическое яблоко и безучастно наблюдал за происходящим. «Как необычно, что Оли так сильно разошелся! – подумал он. – Ведь три года от здоровяка ни слуху, ни духу, а сегодня представление устроил. К чему всё это?».

Генетическая экспертиза не выявила следов Кэрри на том злосчастном корабле. Можно подождать ещё, сказал он себе,

вспомнив при этом вереницу обращений и просьб к Надзирателю. Джон вышел на улицу, мокрую и тёмную, не находя «мужицкую» идею серьёзной. Но где-то внутри снедало одиночество, оно казалось глубоким, страшным, и усиливалось всякий раз, когда приходилось работать с чертовыми машинами. Зайдя домой, он спросил вслух:

– Так что же с нами происходит?

7

В дверь Надзирателя громко постучали.

– Отец? Как неожиданно. Что вам нужно?

– Как это всё понимать?!

Надзиратель быстро втащил Отца внутрь. На улице шёл ливень, с незванного гостя на ковер падали крупные капли.

– До меня дошел страшный слух. Сегодня вечером я работал в полях, изучал местную флору, между прочим, весьма полезную. Потом меня находит Каспер Джонсон, требуя срочно вернуться. Мне пришлось похоронить одного колониста, но никто не может объяснить, что случилось. Все боятся!

– Скажите, Отец, когда в последний раз вы общались с Оли?

Отец напряг память.

– В последние полгода Оли самоустранился. Я не помню точно, возможно, два или три месяца тому назад.

– Так два или три? – серьёзно спросил Надзиратель.

– Я подниму записи. Почему вы спрашиваете?

Они прошли в кабинет. Пахло парфюмом, что необычайно удивило Отца. Униформа Надзирателя, белый китель с одним золотым эполетом на правом плече, аккуратно висел на манекене. Шторы подвязаны шнурком, пропускали внутрь холодный свет.

– Кажется, я вспомнил. В тот день мне удалось посетить фермы с биогелем. Это было три месяца тому назад.

– Интересное дело, получается.

– Я не понимаю вас, – Отец приложил руку к груди. – Колонисты шепчутся, что скоро придут женщины, и они прямо сейчас разыгрывают очередь на них. Я пришел сюда, чтобы сделать бесплодную землю домом для всех страждущих. Такова миссия всех отцов, – вспыхнул гость. – Нас обучают, а затем отправляют вместе с людьми, коим суждено находиться на великом испытании. Если делать всё с любовью и ради неё, то счастье...

«Гаррисон отличный исполнитель, но идиотизм преследует его с самого начала службы», сказал себе Надзиратель.

– Угомонись, – Надзиратель усадил его за стол. – Тебе не восемнадцать. Пора бы стать реалистом. Справиться с расщепленными возможно только посулами. Однажды они поймут, что останутся здесь навсегда. Их никто не ждёт обратно. В такой момент важно держать человека на крючке, на чем-то дорогом или важном. У них здесь ничего нет.

– Что значит навсегда?

Надзиратель засмеялся, и его усы, черные как смола, изоб-

разили дурную насмешку.

– Вы как клоны! Может, вас правда клонируют? Наивные моралисты, отчаянно разрушающие свою жизнь ради других, не жалея сил и здоровья глупцы. Нужно покорить Марс? Отцы тут как тут. Должны освоить Дальний круг? Отцы в распоряжении Терры-Империи. Оправдать порочный строй?

– Прекратите немедленно! – вскрикнул Отец. – Вы говорите пошлые и злые вещи. Я спрашиваю ещё раз, что значит навсегда? Перед отлётом мой наставник сообщил, что если миссия преисполнена послушания и прилежности, то за нами прилет корабль. И мне предстоит отправиться в следующий мир.

Надзиратель закурил, предложил Отцу. Тот, замешкавшись секунду, не отказался.

Сигарета в руке Надзирателя дымила тонкой струйкой.

– Отцы никогда не покидают Семью. Рассеченные нередко сходят с ума или уходят в варварство. Для того и отправляют вместе с колонистами отцов. Смирение – ваш долг и обязанность одновременно.

Гость тихо слушал, докурил сигарету и, как показалось Надзирателю, тихо проронил несколько слёз. Похоже, он не очень верил, но жестоко смутил его.

– Для чего вы нужны нам? Чтобы не случился психо-бунт, уж поверьте, он ни вам, ни мне не пользы не принесёт! Рассеченные нуждаются в пастыре, это рука, сдерживающая буй-

ного от опасных желаний... Никто из отцов не покидает Семью, – повторил Надзиратель.

В дом вошел Гаррисон, как всегда подтянутый и рослый, безукоризненно исполнительный, опрятно одетый, даже не промокший от дождя.

– Удалось? – спросил Надзиратель.

Гаррисон покосился на Отца.

– Докладываю, что ваш компаньон готов на следующую сделку. Шесть женщин будут доставлены в самое ближайшее время.

– Так всё это правда... – встревоженный Отец встал с кресла.

– Да. Проститутки. Воровки. Беглянки. Террористки. Ну какая, к чёрту, разница, Отец? Мне нужно выполнять план! Две трети колоний рассеченных заканчивали массовыми суицидами и убийствами. Они обзаведутся семьями, или что там создают эти рассеченные, а мы получим здоровую и стабильную колонию, исполняющую план. Им будет что терять, заимев мизерную или иллюзорную надежду, – сказал Надзиратель, наливая себе бренди.

– То, что вы предлагаете, отвратительно. Вы, по сути, участвуете в работорговле, так? – Отец укоризненно посмотрел на Гаррисона, а тот перевел взгляд на Полковника. – Значит, колония с самого начала построена на обмане! И вместо борьбы за добро совершится сделка со злом. Вот вы какими вещами занимаетесь, что же пообещали? Детей? Па-

рочку «неучтенных» вещей? И никакая это не надежда, если для достижения одного делается ущерб всему остальному. Я знал, знал, что вдали от цивилизации творится варварство и беззаконие, были слухи про бесплодные земли с людьми, позабывшими свой облик, оставленные на произвол судьбы. Но никогда бы не поверил в такое, что видят мои глаза и слышат мои уши! Словно колонии не хватает других забот.

Отец вышагивал по комнате, заложив руки за спину. Его трясло, он понимал, что бессилен перед Надзирателем. Катанга бесконечно далека от Основного круга, а Близкий круг, состоявший из зелёно-голубого Меркурия, Венеры, Земли и Марса, никогда не вылезет из своей порочной обители.

Ему представилось, что Терра-Империи сознательно высылает как можно дальше от себя: умри или выживи. Здесь не построят портал, пока не появится с десятков городов, очень долго не будет ни полиции, ни суда, ни закона; все дела будут завязаны на одном человеке и его помощниках. Отец остановился, посмотрел на комнату, где работал Надзиратель: многое крадено с корабля, а вещи, привезенные с собой, отдавали напускной столичной роскошью; казалось, что если ударить кувалдой по стене, то золотая пыльца осыпется с потолка, предметов и одежды, останется белый, ничего не стоящий пластик и невзрачный торгаш в погонах полковника.

– Презренное дело. Мрак, тьма. Не буду в этом участвовать. Благословение на рабство возмутительно, – сказал

Отец. – Но своим призванием я обязан смирять зло и помогать родиться добру. Никто не помешает мне вступаться за угнетенных.

«Идеалист», сказал себе Надзиратель.

– Что ж, если вы не будете препятствовать исполнению планов колонии, мой долг не препятствовать вам. А теперь выслушайте, не перебивайте, и после этого вы свободны. Сегодня мне пришлось застрелить человека, не по своему желанию. Вальтер, классический, с немного укороченным стволом, зато удобный для применения в движении. Убийство Оли – это мой долг перед колонией, да, очень своеобразный и, надо признаться, жестокий. Контроль над рассеченными с виду кажется очень простым, но вы, похоже, забылись, расслабились, не хочу говорить по-солдатски, но всё-таки забили болт на основную работу. Напомню, Отец, вы сюда приехали не цветы собирать, а сдерживать психологические издержки от долговременной синхронизации сознания с машинами. Пропуски сеансов с рассеченными оказались чреватые. Надеюсь, больше мне не придется возвращаться к данной теме. Не хочу исполнять мой долг в такой форме.

– Гаррисон, присядьте, обсудим ещё кое-что. А вам всего доброго, Отец.

Отец молча вышел из дома Надзирателя, не попрощавшись.

– Зачем вы согласились? – спросил Гаррисон.

– Думаешь, этот моралист всё погубит? А мне кажется,

что у фанатиков, сознательно отказывающихся от насилия, никогда ничего не получится. Видел таких на венерианской службе. Моралисты всюду бегают, как неприкаянные, наседают своим судом и речью, а кто бы к ним прислушался... Кстати, ты читал его биографию? Пренеприятное чтение!

– А вы не думали, что он способен воздействовать на вас способностями? Что, если он внушит мысль? Или, в крайнем случае, прикажет мне... – опасливо спросил Гаррисон.

Надзиратель усмехнулся.

– Это невозможно. Им запрещено мозгокрутить администрацию. Готов поспорить, на генетическом уровне.

Гаррисон облегченно вздохнул.

Через полгода на Катангу прилетел корабль без регистрации. Дабы избавиться от юридических неловкостей, сделку совершили на аварийной площадке: отчёт, отправленный на Землю, содержал сообщение о спасении шестерых женщин, изъявивших желание остаться в колонии. Гаррисон зачем-то козырнул контрабандисту и принял живой груз, оплатив согласно договору – половина никеля, добытого за последние 36 месяцев, вкатилась в темное нутро грузового отсека.

8

После энной попытки заработали автозаводы. Рой машин вгрызался в горы и топкую землю, извлекал руду и вёз в гигантские мобильные домны. Шагоходы иногда тонули в болоте, вязнув своими треногами.

В сумрачном небе Катанги стали появляться черные, гряз-

ные от копоты и пыли, тучи. Манты, безраздельно правившие до человека в воздухе, куда-то спрятались и больше не появлялись.

Склады ломились металлическими чушками. Надзиратель молча отбирал часть для себя, часть для сделок с местными странствующими торговцами, часть отправлял в Терра-Империмум. Из столицы, едва получившей первый груз с Катанги, пришло сообщение с поздравлением: «Отныне вы часть большой Семьи! Так держать. Необходимо увеличить производство на 100 процентов»

Тихо воровали колонисты, чтобы было чем поторговать с залетными барыгами. Джон и Каспер тоже стали несунами – сделав тайный лаз, копили урановые капсюли и никелевые слитки, надеясь увезти с собой хоть что-то после каторги.

Чтобы избавиться от топкой тундры, континент Катанги, где располагалась колония, с маниакальным упорством сушили: строили дренажи и адсорбировали серной кислотой воздух; планета, и без того недружелюбная, год за годом уродствовалась, превращалась в пустыню, где изредка шел дождь с запахом тухлятины.

Когда привезли шестерых женщин, их на собрании распределили по хороводам – так колонисты обозвали собственные коллективы. Почти все работали вахтой, кто в горах, кто на факториях, кто на экстракторных полях, и между ними закладывались более прочные связи, чем с остальными. Рассеченные так и говорили друг другу: «Поехал хороводить!»

Отец говорил, что их занятия с несчастными – грязь страшнейшая, что они пусть и каторжанки, но люди в первом значении, однако ему в ответ лишь улюлюкали.

Поначалу женщины яростно сопротивлялись, бежали в топкие болота, либо в космопорт, где их впервые встретили. Надзиратель без обиняков сказал им, что «так лучше». Для утешения он добавил:

– Из столицы мне обещали предоставить вам освобождение как только отслужите каторгу на Катанге. Я отправил ваши генетические ключи. Давайте поможем друг другу! Десять лет, и чистый генетический ключ, безо всякого упоминания про каторгу и уголовное преследование, в ваших руках. Представьте! – Надзиратель взмахнул ладошками, изобразив бабочку. – Вспорхнете свободными на первом корабле до ближайшей обитаемой системы.

Осознав, что никто не придёт на помощь, а из постоянных гостей колонии будут только автономные грузовые шаттлы, контрабандисты и работорговцы, они тихо смирились со своей судьбой.

9

В девятый год рождения колонии погиб Надзиратель. Напившись бренди из своих неиссякающих запасов, он вышел во двор с промышленным рельсотроном и принялся мстить за проклятую жизнь на проклятой планете. Каторжане разбежались, как мыши, по всей округе; Джон, возвращавшийся с очередного хоровода, заметил, что Надзиратель побежал

в дикие земли.

Останки нашлись быстро. Каспер, полысевший и подичавший от усердия на производстве, запугивал колонию байкой про ляо, обитавшие в ближайших горах.

– Такую кучу может высрать только ляо! Один раз ползу, значит, с фактории, весь грязный, в биомассе, и тут из валуна на меня выпрыгивает ляо. Как наш косолапый, земной который. А вы мне не верили, ага! Погляди-ка, даже часики наручные видны в куче, – смеялся Каспер, тыча пальцем в кучу экскрементов.

– О господи, – произнес Гаррисон волнующе. Ему причудилось, что власть, оставшаяся в экскрементах катанганского хищника, манит, просит поглотить всю без остатка, ни с кем не поделившись.

– Не произноси всуе, – Отец повесил винтовку за плечо. Обернувшись, он посмотрел на посёлок, где горел свет в окошках и мерцала лазерная ограда. Хоромный дом сгинувшего Надзирателя подсвечивая, как ёлка в гирлянде. Несмотря на светлую ночь, всё вокруг колонии почернело, как головешка, словно планету поразила болезнь и её иммунитет отчаянно сражался, рисовал границы смерти для выживших. Отцу мерещилось, что с ним разговаривает планета: «Смотри, человек! Твой труд мне не нужен, твой труд гибелен для всего живого; куда бы не ступила твоя нога, она принесет на своей подошве несчастье и морок, и всё придется сжечь дотла, чтобы попытаться начать. Что же делает твоя

рука, как не грабит и не ломает? Весь твой род сплошной обман, сплошная эксплуатация, сплошная глупость. Я отвергаю твой мир».

Четверо помолчали, стоя у кучи.

– Отец, что же делать? – спросил Гаррисон.

– Похороним завтра. Напиши отчёт. Нам нужен новый надзиратель.

– А может?.. – Гаррисон постеснялся сделать предложение возле погибшего начальника.

Отец на него долго глядел из-под капюшона, вздохнул и приказал двигаться домой. В пути Гаррисон шел сзади, видимо, обидевшись, что он по своей трусости и стеснительности так и не воспользовался шансом.

Хиндли почувствовал, как к его плечу прикоснулись.

– Отец? – спросил он.

– Хочу с тобой поговорить. Со мной делятся тайнами, но то, что я обнаружил, не было услышано в баре, оно было замечено мной лично. Джон, ты не участвуешь в этой мерзости с женщинами, избегаешь компании с ними. Скажи, почему?

Хиндли подбирал слова.

– У меня дома жена осталась.

– Вот оно как. Ну, не сказать, что я не догадывался... Девять лет прошло, конечно.

Добравшись до поселка, Отец рассказал Джону сегодняшнее открытие.

– Пока все бегали в поисках Надзирателя, я позволил се-

бе поискать в его терминале. Думалось, что мистер Купер оставил бы предсмертное письмо на такой случай. Но мне не суждено было его найти. Зато оказалось, что сегодня он получил отказ на свой рапорт о возвращении на Землю. Конечно, неправильно такие вещи обсуждать...

Джон пожал плечами.

– Он погиб.

– Это да... Кстати, в терминале есть ещё кое-что важное.

Пошли, покажу.

Они прошли внутрь дома. В отличие от казарм, где пластик уже желтел и покрывался трещинами, здесь было свежо и чисто. Надзирателя давно за глаза стали обзывать Хапугой.

– Не читал, – предупредил Отец. – Прошу. Я оставлю тебя наедине.

Джон подошел к монитору.

Совершенно внезапно из столицы пришел ответ на прошение Джона о помиловании. Когда он писал такое прошение? Годы шли, и время, как поток воды, смыло воспоминания об офицерской жизни, блестящей карьере, головокружительных возможностях и прекрасном будущем.

В ответе говорилось, что его просьба удовлетворена: отныне он вольный катангопашец, а не каторжанин; вся судимость погашена, без права, однако, на восстановление военного чина.

«Вы просили обратиться к госпоже Хиндли с соответствующим пожеланием присоединиться. К сожалению, поиски

человека затянулись по причине смены фамилии на Вульф-стронг. Госпожа Вульфстронг подала на развод 2 декабря 2540 года, в соответствии с установленной формой. Согласно закону, присутствие лица, отправленного на каторгу, в суде не является обязательным условием. Приятного времяпровождения на Катанге!»

2 декабря 2540 года – день, когда корабль «Смиренная Ева» оторвался от земной орбиты, направившись к месту каторги.

Прочитав письмо, Джон молча отправился в бар, где страшно напился местной бражки, разбил в споре бровь Касперу, домогался до Четвёртой (так уничижительно прозвали женщину, добытую при ограблении мелкого торгового корабля) и преуспел-таки. Бродя по ночному поселку, полной голубого света, он горланил старые кадетские песни, откуда-то всплывшие из недр, поносил Кэрри солдатской бранью, тоже случайно вспомнившейся, расколотил дверь и уснул прямо у порога.

Несмотря на дикое неудобство от устроенного балагана, никто из сочувствия не сделал Хиндли замечания.

Утром он пытался двумя руками сжать голову раскалывающуюся пополам.

10

Несмотря на полученное освобождение, Джон ни разу не пытался покинуть Катангу. Ему не льстило возвращаться на Землю, где о нём забыли в первый день каторги, не хотелось

даже взглядом пересечься с «госпожой Вульфстронг», которая продолжала жить в том же доме. Да и звучит сюрреалистично, чтобы звездная империя выслала корабль за каким-то проштрафившимся офицером, чьи компетенции за девять лет утратили всякую полезность.

Хиндли предпочел остаться вместе с колонистами: он резался в карты, пил тундровую бодягу в баре, дрался то с Каспером, то с другими, потом сдружился с ними вновь, вступил в хоровод, прикупил и поженил на себе двух женщин. Старел он, старела колония, желтел пластик в бараках, охранные боты давно не передвигались по улицам, повадки рассеченных становились чуднее, и даже Отец стал жаловаться, будто ему год за годом всё труднее с ними бороться.

Ближе к сорока годам Джону пришла мысль, что жить на задворках галактики, в мрачной дыре под названием Катанга не так уж плохо. Он свободен от морали, надзора и законов: «Делай что хочешь, но выполни план и не задавай глупые вопросы». Что-то в этом определено есть, сказал себе Джон.

Перед гибелью мистер Купер успел выдать генетический ключ вольного человека – с правом на личный домик и прочие прелести.

Новый надзиратель, присланный из ближайшей обитаемой звездной системы, прилетел только через год. Им стал майор Бу, маленький смеющийся человечек с крепкими плечами и длинной черной косой. Киндер-сюрприз, как его называли колонисты после первой беседы, довольно легко разо-

брался, как тут верховодил предшественник. Он говорил Отцу:

– Гаррисон весьма услужлив и прост. Совсем как робот. Все тайники покойного мистера Купера раскрыл, интересные схемы тут проворачиваются... Хорошо! Но обойдемся без сообщений в столицу, ладненько? Кстати, ко мне вчера обратились женщины с некоей петицией.

– Какой? – спросил Отец.

– Гм, якобы у них существовала договоренность с мистером Купером. Он посвящал вас в неё?

– Нет.

– Жаль, – вздохнул новый надзиратель колонии. – Ну, я не мистер Купер, я майор Бу, так что...

Всё пошло по-старому: люди управляли машинами, а они для них рыли землю, болота и горы, вырывали из недр богатства и бросали в мобильные домны, которые разрослись до небольших иссиня-черных городков, медленно поедающих всё живое; часть товаров под покровом ночи исчезала со склада, тихий автопоезд двигался в сторону аварийной площадки космопорта, там он и пропадал; тайком завозился «живой товар», мистер Гаррисон, всё такой же подтянутый, всюду следовал за новым надзирателем.

11

В сорок лет характер Хиндли совсем испортился.

Всего у него было пять женщин, из них три умерли, как считал Отец, не по своей воле. Оставшихся двух он истязал

и держал безвылазно либо в полях, либо в шахтах. И там, и там от зари до зари женщины в наказание за мизерный проступок неподвижно лежали в автоклавах, управляя при помощи сознания рабочими машинами.

У Хиндли родились дети, но любовь к ним за многие годы так и не проявилась. Старшего сына он считал бездарем и алкоголиком, средний получился слабым на ум, а младший только и делал, что смотрел на ночные звезды и рисовал на бумаге монстров, посещавших его во сне.

Однажды на планету приземлился корабль паломников. С ними долго и обстоятельно разговаривал Отец, к тому времени тоже состарившийся. Когда паломники отбыли с Катанги, обнаружилось исчезновение младшего сына Хиндли.

Каспер Джонсон смеялся, покуривая дурной табак: «Посмотри-ка, говнюк какой оказался, захотелось ему пожить в свободе!» После этой истории Джон разругался с Отцом, пригрозив ему расправой.

Старшего сына спустя полгода нашли утонувшим в реке неподалеку. Воды ледяные, талые, кололи руки тех, кто соизволил вытащить труп. Джон стоял над телом, помолчал, затем проверил все карманы и похоронил там же, оставив могилу без камня.

Ему вдруг страшно захотелось взять себе третью жену.

Весной, когда возле поселка расцвел земной вереск, Джон Хиндли вышел на охоту. Из ружья ему удалось завалить только одного ляо – остальные разбежались по горным пе-

щерам. Связав веревкой задние лапы, Хиндли потащил свою добычу – прямо по земле, пыля на всю округу. Он пел солдатскую песню, когда в небе привиделся опускающийся корабль. Идти до порта было недалеко, подумал Джон, и решил обменять шкуру инопланетного медведя на что-нибудь полезное.

«Маленькая Бадрия», лунообразная, из бледного белого металла и с множеством выглядел одного возраста с Хиндли. Такие рабочие лошадки использовались для перевозки небольших грузов, часто контрабандный товар прятался в искривителе пространства, чтобы случайная таможня или военный крейсер при сканировании ничего не заподозрили. Торговец стоял, прислонившись к шасси, оглядываясь в поисках клиента; винтовка висела у него за спиной, грозное дуло смотрело в землю.

Хиндли махнул рукой, ему в ответ показали жест из пятерни растопыренных пальцев: «Я с миром». Винтовки отложили в сторону.

Старик завел беседу про последние новости. Торговец по имени Гани, имевший оглушительный голос, рассказал, что некая раса на окраине Веги объявила войну Терра-Империи. Дела якобы идут со скрипом или просто плохо, нынче путешествующих торговцев при посещении колоний обязали нанимать бывших гвардейцев на военную службу.

– Эй, а не хочешь ли ты отправиться? Вот смотри. Если ты вольный, то тебе дадут офицерский чин, а если каторжник,

то освободят от неё. Я доставлю тебя до ближайшей станции, там тебе укажут путь.

– Хватит, брат, староват для такой чепухи, – ответил Джон.

– Брат, что тебе делать в этой могиле, полной мух?

– Империиум, срань межгалактическая, сослала меня тридцать лет назад в это гавнодушное место, которое ты сравнил с мушиной могилкой. Хватит с меня. Дальше двигаться не хочу.

Гани пожал плечами, как бы говоря, что теперь-то ему глубоко безразлично. Он исполнил свое обязательство перед Терра-Империиум.

– Прости, брат, не осуди мои слова. Я только исполняю свой долг.

Джон примирительно кивнул головой.

Из корабля показалась девушка, с магнитными колодками на запястьях.

– Это тоже товар? – спросил заинтересованный Хиндли.

– Нет-нет! Феранда, вон отсюда, брысь-брысь! Я её для себя оставил. Дурочка мечтала в пираток поиграть, связалась с клоунами, а те её обдурили и кинули. Теперь у меня в прислугках.

Хиндли предложил отдать ляо целиком. Шерсть ляо крепкая, лазером не прожжешь из-за особенного поглощающего волоса. Гани засмеялся:

– Давай, я тебе продам новых роботов. О, у меня есть ша-

гоход, для болота подойдет! Могу дать токса, но в наличии только юпитерианский, с осадком, бывают последствия всякие.

– Нет, хочу девку.

– Да на кой ляд она тебе сдалась, старик?

– Хочу.

– Нет!

– Плачу тушой ляо и кредитами.

Гани аж подпрыгнул – до чего же ему нравился торг с этим незнакомым! Он взял чашку кофе, выпил немного, вкусно охнул и зачмокал; от его легкой одежды исходил лимонный аромат, и старый Джон, в чью голову проникли воспоминания, сморщил лицо.

– Не любишь кофе? Дорогой, здесь кредиты нынче не в почете, прости. Есть что ещё?

Тогда Хиндли предложил десять капсуль высокообогащенного урана и никелевые чушки. Гани сощурился, зачесал шершавую и небритую шею, во взгляде читалось сомнение.

– Откуда?

Теперь засмеялся Хиндли:

– Так ты оглядись вокруг. Катангу ни за что бы не тронули, будь тут одни камни и воздух! Нас сослали добывать металлы, этим мы и занимаемся, ну, и себе немножко оставляем, конечно же... А почему бы не оставлять? План выполняем, а себе излишек на пенсию. Ну, ты согласен?

Гани сказал «Добро!», приказал девке отправиться вме-

сте с Хиндли. Груз с ураном и никелем подвез на машине единственный оставшийся сын, загрузил во внутренний отсек и остановился ждать старика. Девка заплакала, попыталась сопротивляться, но торговец пригрозил, что сожмет её до молекулы в искривителе пространства, если она не послушается. На прощание, видимо, из жалости, подарил ей платё, платок и бусы.

К вечеру они добрались до поселка. Девушка с кудрями, худощавая, с впалыми розовыми щеками, будто не евшая неделю, сидела у костра и бросала слезы на холодную землю. Возле неё танцевали страшные тени, наблюдавшие и ждавшие своего часа.

12

Феранда, новая жена старика Хиндли, оказалась строптивой бунтаркой. В первую же ночь она расцарапала ему лицо и сбежала из посёлка. В отместку за это вольный катангапашец приложил её электропогонялкой для скота. Чтобы не портить вид красавицы, удары точечно и аккуратно, поармейски попадали в поясницу.

Отец попросил встречи.

– Позволь лечить твою душу. Скажи, как часто тебе приходится работать с машинами?

Он приглашающе положил руку на стол, ладонью вверх.

Старый Джон посмотрел на Отца, затем перевел взгляд на ладонь, а после вновь вернулся к глазам собеседника. Взгляд был тусклым и неясным.

Колония медленно наполнялась бездумными куклами, шаркающей походкой передвигающимися вдоль желтых стен барачков и ведущими разговор с фантомами. Отец писал отчеты в столицу с просьбами помощи или совета.

«Как же это всё понимать? – обращался к безликому чиновнику Отец. – Мне чрезвычайно сложно отличить ложь от правды. Сказанное покойным мистером Купером не дает покоя... Каковы долговременные последствия рассечения? Способностей, дарованных мне Терра-Империи, не хватает, чтобы остановить деградацию сознания рассеченных... Приведу примеры из своих наблюдений. Более всё деградация распространилась в социальных группах, задействованных в контроле сложной индустриальной машинерии, а менее всего в агрофакториях. В последних механизм взаимодействия с биологическими организмами если не примитивен в положительном смысле, то весьма мягок и щадящ. Полагаю, существует корреляция между количеством контролируемых оператором средств и скоростью разложения сознания человека. Мне всё сложнее контролировать психологические изменения, более того, скажу вам, кажется, что эти изменения происходят со мной! Но вот в чем дело, я не рассеченный, не входящий в контакт с машинами. Возможно, физиологические процессы геронтического характера каким-то образом связаны с ускорением деградации? И то, что симптомы в последние несколько лет стали более тревожными, обусловлены как раз возрастными особенно-

стями? А как объяснить их повальное увлечение насилием и членовредительством? Наиболее пострадавшие, в частности, колонист по фамилии Джонсон, начали выдумывать истории, несуществующие события, обыгрывать в разговоре небылицы. Тревожно, очень тревожно! У меня столько вопросов, ответьте же! Мы, отцы, обязаны сдерживать подобные эксцессы... Но можем ли мы лечить, будьте со мной откровенны!»

Отчеты Отца оставались без ответа.

Сам майор Бу беспорядочно пил, потреблял токс и периодически забавы ради бил бока каторжанам, попавшимся на ночной улице. Ему прощалось всё, ведь молодчику было наплевать, сколько будет украдено колониальных товаров. Лишь бы колонисты выполняли план. К ним майор Бу относился как к пациентам клиники для душевнобольных, не утруждал себя обязанностями, не скрывал своего плана перевестись обратно в обитаемый мир, «где расцветают розы, а не пузыри в болоте», и часто всем напоминал:

– Делай что хочешь, но выполни план.

Вскоре поползли слухи, что старик с молодой женой не справляется, что он ей не указ и даже еженощное «воспитание» к результату не привело. Феранда пробовала подкупить надзирателя, но помощник Гаррисон по простоте души рассказал об этом старому Джону в баре.

Она часто пряталась у Отца в погребе его дома. Но долго сидеть в нём не могла, к утру ей приходилось возвращаться,

где её били электропогонялкой, да так, что под ногами образовывалась постыдная лужа.

Иногда в окнах дома Хиндли виднелся знакомый силуэт его друга Каспера.

Каторжане беспокоились, что бунтарка начнет склонять и других женщин к неповиновению, их раздражающий бубнеж теперь слышался в баре и во время хороводов.

Феранда плохо готовила, плохо собирала грибы в тундровом прилеске, плохо работала в шахте, намеренно совершала аварии; ни женой, ни тем более рабыней она себя не считала и находила в происходящем лишь временную досаду, плохую игру, наложенную на одно гигантское космическое путешествие: «Будет что детям рассказать»

По ночам из разных домов заметно прибавилось женских криков и мольб о помощи. Каторжане со страху принялись воспитывать своих многочисленных жен, они сбегали, а затем вновь возвращались – жить в мертвой тундре невозможно. Престарелый Отец качался на кресле, зажимая ладонями уши.

13

Отцу не спалось. Его одолевали кошмары после сеанса с рассеченными. Вдруг послышался звук в замочной скважине.

Кто-то ковырялся в замке двери.

Мужчина встал, включил свет в гостиной. Тут же звуки прекратились. Тогда он потянул за ручку.

В темноте показалась спина уходящего. Отец его окликнул. Незнакомец остановился, холодный ветер поднимал пыль на дороге, мерцающие лампы, не насытившиеся ранее зимним солнцем, плохо сделали освещение. Подойдя ближе, всмотревшись в лицо, глубоко смущенный Отец беспокойно спросил:

– Джон, вы хотели что-то?

У Джона в руке лежал нож.

– Джон? – повторил Отец. – Джон, очнитесь же!

– А ведь дурочке гарантировали всё.

– О ком вы?

– Кэрри, моя дурочка, вишневый цветочек...

Секундное молчание, растянувшееся в вечность.

– Постойте-ка, вы про бывшую жену? – спросил Отец.

Взгляд держался на ноже, в голове гудело «Выхватить или довериться?»

– Почему бывшая? – каким-то пьяным голосом ответил старый Джон. – Она вот здесь.

– Где?

– Ну здесь.

– Да где же? Умоляю, дорогой: объяснитесь, очнитесь, проснитесь!

– У вас она. Я знаю.

Отец опешил.

– Да-да. Вы думали, не узнаю, как Кэрри прячется у вас в подвале?

– Джон, дорогой, Кэрри нет на Катанге. Если хотите, я покажу подвал и все комнаты. Кэрри развелась с вами. Давно.

Хиндли слегка закачался, замямлил, рукоять ножа плавно соскользнула с руки. Обняв за плечо, Отец настойчиво повел его домой.

Дом Хиндли стоял после дома надзирателя. Узенькая ограда, легкий газон, круглая крыша и круглые окна, бестолковый садовый гном, тонкие фонарики-шпажки, воткнутые в землю. Строением он напоминал медвежью лачугу, огорожившуюся от остальных. Не хватало лишь улья с пчёлами. В одном из окон мертвецки горел бледный свет, и два женских лица, изуродованных тенями, страшно смотрели на приближающуюся парочку.

Заходить внутрь Отец не решился. Слабоумный сын Хиндли, не приспособленный к рассечению и вообще к какой-либо работе, никогда не уходил дальше поселка. Цокая языком словно недовольный, он закрыл дверь без слов прощания.

Стояла ночь, мигали звезды, вдали виднелось горящее жерло домны, захватывающей всё новые пространства.

– Феранда, это ты? – спросил темноту Отец.

Девушка, точно призрак, материализовалась у ворот дома. Одетая в простой серый плащ, с сумкой через плечо, она пригласила пройтись до её любимой поляны.

Поздней осенью мох на Катанге цветет аккуратными корзиночками. Если наступать на них, то заиграет желтая лю-

минесценция. Шаг Феранды ровный, уверенный, знающий; нога Отца ступала мягко и нерешительно, след в след. Наконец, добрались до небольшого поля у озера, откуда хорошо просматривался посёлок.

Отец только сейчас подумал, как же рискованно было согласиться на ночную прогулку без оружия.

Феранда достала из холщовой сумки шар, энергично потерла в ладонях и подбросила; шар закипел, звездой взлетел над головами, пустил тёплое золотистое свечение на всю округу.

– Как романтично! – сказала Феранда. Её лицо было таким же легким и убежденным, как в первую встречу на Катанге, но руки покрылись шрамами и ссадинами.

– И в самом деле, – удивленный Отец не знал, что ожидать от девушки. – А что это?

– Дары планеты, что россыпью под ногами лежат. Жаль, не цените, топчете их.

Помолчали.

– Катанга. Какое глупое название для такой замечательной планеты!

– Как бы вы назвали?

– Хороший вопрос... – Феранда задумалась. – Наверное, имя должно быть холодным, как лёд, и непокорным, как могучая река. У планеты изумительно холодная и бесконечно непокоренная красота, вот о чем я.

– В самом деле? – Отец попытался вспомнить, что же кра-

сивого есть на Катанге. Но перед глазами всплывали только серые, покрытые рыжеватой плесенью валуны всех диких форм, топкие земли с редкими газовыми огоньками, грязные ледники, карликовые деревца с погнутыми кронами, кустарник с водянистой ягодой, наконец, давно исчезнувшие манты, покинувшие обхоженный человеком край.

Вновь помолчали. Блещет пушистая золотая звезда над головой Отца.

– Простите, но вынужден не согласиться, – продолжил Отец. – Сумрачно, холодно, короткое и душное лето, часто смрад, грязные воды...

Феранда засмеялась.

– Это потому, что вы не хотите видеть красоту в естественном.

– Хочу, но не могу. Помогите же.

«Грустно», сказала девушка и окунула ногу в озеро. Вода, должно быть холодная.

– К тому же, почему же она непокоренная? Лирика, как по мне.

– Искренно говорю вам – планета не только не покори-лась, но берёт на измор. Вы погибаете.

Отец рассматривал Феранду, её лицо, движения, и не находил никакого сходства с теми забытыми существами её пола, живущими в посёлке. Он честно пробовал её понять, не используя дар; взгляд, полный ясности, глубоко проникающий, был обращен в его сторону, и чувствовалось, как будто

его прознали, вычитали от и до биографию; без прикосновения к ней, казалось, её тепло лучами согревает даже вечно холодные камни.

– Зачем вы тут? – спросила Феранда.

– Мы? У нас есть цель.

– Какая?

– Исторгнув грех прошлого, в труде добыть добро для всех.

– Чепуха! – Феранда скривилась в недовольстве. – Яснее прошу.

– Мы возвели колонию, основали новую Семью. Такова миссия, данная нам Терра-Империмум, нашей матери и хранительницы.

– Лебеда, пустота, чепуха, – Феранда встала перед ним, вся напрягшись. – Как хорошо, что я не родилась от вашей матери!

Отец смутился. Было ли оскорбительным заявление?

– Вы что, не из Терра-Империмум?

– Ни разу не бывала!

«Удивительно. Так много прояснилось, – подумал Отец. – Передо мной стоит свободный человек. Только жители далеких миров, не присоединившиеся к Большой Семье, способны так мыслить и воспринимать мир. Мы, двоемыслящие, производим свободу слишком легко, непринужденно, без усердия и чувства, формалистически. Нам говорят, что есть свободные люди, а мы смеемся, ибо верим – свобода су-

ществует только за пределами внешних обстоятельств, что невозможно принципиально.

Но вот она, Феранда, стоит, уперши руки в бока, глядит на посёлок с вызовом, полным презрения и бесстрашия.

Если человек Терра-Империи, такой, как я, не верит в свободу, то человек, подобный Феранде, движим ею. Когда человек Терра-Империи говорит «Даже в свободе я несвободен», то Феранда лишь смеется «Даже в клетке я вольная птица».

Пока он размышлял, Феранда зашла в воду по самые плечи. Наплававшись, она собрала вещи и попросила проводить обратно. Согревшись от движений, ступающая по кочкам девушка вновь разговорилась.

– Я долго наблюдала. Вы погибаете. Пожалуйста, не обижайтесь, но это так. Правда такова, что вы и вся колония – деструкция. Хаотически цепляетесь за живое.

– Решительно с вами не согласен... – неуверенно прозвучало из уст Отца.

– Это пока. В вас есть нечто приятное, лучшее, чем у большинства здешних персонажей. Кажется, я сталкивалась с отцами в других, более весёлых местах. **Скажите, вас**

Они дошли до поселка. Пути расходились. Перед расставанием Феранда сказала Отцу: «Всё равно я буду бороться. Всё равно моя клетка исчезнет. Я стану здесь многим. Вы останетесь ничем. До свидания». Девушка поцеловала в щеку Отца, он не сопротивлялся, скорее обрадовался этому

теплу, согревающему и живому.

Рассветало. С зелёных, накрытых полусферой полей фактории двигалась машина с каторжанами. По улице бродил лысый человек, требовал от каждого фонарного столба вернуть венерианские рубины.

14

В баре стоял шум. Тупой, некрасивый, со множественной вмятиной на лице андроид ручной сборки по имени Сапп прислужливо уточнял у каждого «Чего изволите?», наливал стакан бражки и просил не бить посуду. За дальним столом сидел изрядно выпивший майор Бу в компании Гаррисона и Отца. Гаррисон, поседевший, истончавшийся, но всё ещё вытянутый по-офицерски, угрюмо цедил бокал и выслушивал бахвальные речи начальника, Отец читал книгу и делал в ней пометки. Пахло пролитым, поверхность чувствовалась липкой и запачканной, а со стен едва брезжил свет от слабых светильников.

– Кто там! А ну, иди к нам! – прокричал майор Бу зашедшему человеку.

Отец отвлекся от книги, чтобы посмотреть на посетителя. Им оказался Хиндли. Он зашел, встал, как вкопанный, посередине зала, и только с третьего оклика обернулся на их стол.

– Как дела, старина? – спросил надзиратель, улыбаясь и покачивая головой. – Присаживайся, давай-давай, не стесняйся. Гаррисон, подвинься, много места занял!

– Да совесть мучает меня, понимаете, майор Бу.

– А что такое? А ну, рассказывай нам!

Хиндли рассказал, что с Ферандой, похоже, пора кончать.

– То есть, «кончать»? – удивился Отец.

– Ну, понимаете, тяжело с ней.

Купил он её за урановые капсулы и тонну никелевых чушек, добро немалое и скопленное непосильным трудом. Майор Бу не выказал никакого знака осуждения, когда услышал цифры краденного добра. Старик Джон говорил, как он с ней по-доброму, как нежно бьет её, как гоняет голой по картофельному полю, да работать заставляет по чуть-чуть, двенадцать часов от силы.

– Я же хочу, чтобы сладко жилось под старость. Сколько мы здесь служим, а, Отец? Сорок лет? Сорок блядских лет!

– Чувствую горечь в твоём сердце, старина. Давай выпьем!

Выпили. Майор Бу рыгнул, вызвав у сидящего рядом Отца чувство стыда.

– И вот ведь что. Девки-то мои, две предыдущие жены, её тоже не любят, иногда подлости делают, корят, унижают за то, что им тоже всыпают по первое число. Так-то вот.

Подкатил андроид с тупой рожей на лице, виновато уточнил «Ещё желаете?». Старик Хиндли заказал компании забористого виски.

– Гулять так гулять. Мне шестьдесят один. Дети не выдались ни умом, ни рожей, ни смекалкой, служба не выда-

лась, труд паршивый, на душе дерьмово, словно эта Катанга со своими пустынями, болотами и затхлыми лесами проникла куда-то глубоко внутрь сознания. Ненавижу жизнь, так-то вот. А ты чего молчишь, Отец? Тебе же успокаивать сомневающиеся души приказано.

Майор Бу как-то сурово, насупив черненькие бровки, сквозь кругленькие очки посмотрел на Отца. На майоре была полинявшая от солнца воинская форма Терра-Империмум – одно из немногих напоминаний, кому принадлежала эта давно забытая имперскими чиновниками колония. Кто знает, не став бы отправлять они груз космическим челноком, спохватился бы кто-то в столице? Да хоть бы в генерал-губернаторстве...

Отец, чье вытянутое и покрытое глубокими морщинами лицо едва ли выражало эмоции, тактично ответил, что готов выслушать все печали колонистов.

– Каторжан, – поправил майор Бу.

– Эге-гей, господин начальничек, я из вольных... Прошу в быдло не записывать.

Выпили ещё. Тут-то Джон сказал, что продавать бунтарку не намерен, а сердце его хочет по-тихому избавиться от неё. Где-нибудь в реке. Отец изумленно раскрыл глаза, сухой рукой схватившись за правую щеку (она у него дергалась с того момента, как он прибыл вместе с каторжанами). Его возмутила мысль, что девушку хотят убить, утопив, как последнюю ничтожную собаку, в ледяной реке Катанги, что

в ней видят товар и неудачную торговую сделку, что за год её спину отхлестали электропогонялкой больше, чем корову в стойле безумного Каспера Джонсона. Отец привстал, трясясь, и даже приготовился сделать затрещину старику: «Очнись! Очнись, дурень, и заживи по-человечески, а не по-рабски, не будь ты скотиной!»

– Но она же че-ло-век! – закричал он дрожащим голосом, от волнения схватился за стакан поданного виски, и выпил, глядя на Хиндли через запотевшее стекло.

– Ничего ты не понимаешь... – старик Джон зевнул так, что в рот мог пролезть кулак.

– Моралист, – поддержал майор Бу, по-восточному цокая языком. – Святоша. Мораль... утомительно болтлива, бескрайнее время поглощает. Смысл жизни наших сострадальцев, ик, в службе империи, будь ей неладно. Такие грубости простому мужику простительны, а иначе никак. Иначе петля! Эх, пойти, что ли, на сверхслужбу? Кто-то тут рассказывал, что на Веге дела пошли лучше. У вас, Отец, была когда-нибудь жена?

– Была. А у вас? И почему вы тут единственный, кроме меня, разумеется, кто не занялся постыдной прикупкой рабыни?

Майор Бу скукожился, глазки задвигались влево-вправо, изо рта выпрыгнула сигаретка и дурнологичное оправдание; он раскланялся, пожаловался на часы приема, что ему ещё предстоит писать доклад в столицу про нехватку рабочих рук

в колонии. Ушел, не заплатив ни одного кредита андроиду с тупой рожей.

Остались Отец и Джон Хиндли.

– Так вы и правда хотите её убить? Может, отдадите её мне. Не в жены, разумеется. Мне давно нужны помощники, да только какие из каторжан служители веры? – взывал Отец.

– Вера штука двоякая. Скажи, Отец, а ты задумывался, почему тебя отправили вместе на каторгу? Так-то вот. И здесь оно, так сказать, одинаковое дело, смирать сломленных, но не давать им надежды. Зря ты надежду даришь Феранде. Отсюда не сбегают. Мы все пожизненные каторжники.

Помолчали.

– Продам обратно. Следующим торговым рейсом. Тебе не отдам, мужикам не отдам, никому из этого гавнодушного места не отдам. Пускай у неё появится билет в новую жизнь, – сказал уставший Хиндли.

Отец поблагодарил его, взял книгу, попрощался и заплатил за всех в баре.

Хиндли вышел на улицу. Звездное небо подмигивало его мутному от виски рассудку. Летом со стороны строительных отвалов несло тухлятиной, от чего резало в носу. Песок под ногами шуршал, рядом пробежала не то куница, не то большая ящерица. Слышалось, как майор Бу набивал по-пьяни бока попавшемуся на глаза неудачнику: «Вот тебе, вот так! Я – потомственный сын офицерской семьи, а не надзиратель

какой-нибудь!»

15

Джон Хиндли машинально плёлся до своего дома. Добравшись, он прилег в крытой веранде, упал на жесткую софу, не раздевшись. Сон уже подкрадывался, как послышался знакомый механический шум. Постепенно он усиливался.

Джон напрягся, вспоминая, где бы он мог его услышать.

Фары мигнули в окна домика. Рокочущий механизм въехал в веранду, снеся всё на своем пути. Стена, легкая, из пустотелого пластика и плексигласового стекла, обрушилась. Старик с ужасом вспомнил, что этот ковшеобразный транспорт используется на литейных мобильных заводах, куда он часто ссылал работать женщин.

Ковш накренился. Открылось узкое горлышко, в темноту брызнул ярчайше желтый свет. Расплавленный, горячий и искрящийся никель вытек струей на Джона, успевшего только протянуть вперед руки.

К тому времени, когда люди вышли на шум, контроль за машиной прекратился – транспортник мирно левитировал над землей, ожидая следующей команды.

Утром состоялись импровизированные похороны, прямо на месте убийства, поскольку решили оставить его, как есть, в никелевом «гробу». Один из каторжан выбил гравировку на остуженной металлической луже, упомянув Джона во множественном числе: «Д.Х. 3303-3367. Погибли вольными поселенцами». Местное солнце лучилось тонким и слабым

светом, стоял туман, многие кашляли. Отец, присев на жухлую и мокрую траву, смотрел на импровизированное надгробие: мысли понесли его в прошлое, в начало путешествия, в котором отчаянный народ, наказанный неудачной и жестокой лотереей судьбы, когда-то оказался на Катанге. Рядом с ним качал головой седой помощник Надзирателя.

– Жаль старика. Хороший, исполнительный. Брак у него и в самом деле был плохой, – сказал Гаррисон.

– Нужно жить, сопротивляясь злу, – ответил Отец.

Феранду поймали на следующий день. Планируя сбежать, она спряталась в прилеске, надеясь встретить контрабандиста или торговца на площадке космопорта, но каторжане легко выследили и схватили. Разъяренные, буйные, с сломанными движениями, они привели её к Надзирателю, поставив на колени, под шум других рассечённых и управляемых ими машин. Все без исключения ревели и махали руками.

Каспер Джонсон смеялся, тыча пальцем в убийцу старика Хиндли. Потом он заплакал, потребовав вернуть ему венерианские рубины.

Отец настаивал на милосердии, встав между толпой людей и машин, и Ферандой. Его глаза, большие, безмерно тоскливые, пожирали взглядом женщину, они как бы говорили «Ну что ж ты, глупая, не воспользовалась шансом! Надо было поступить так?»

Большинство, невнятно булькая ртом, жаждало суда Линча, крови, мести, ярости, и возмездия, желательно с участи-

ем расплавленного никеля.

Майор Бу, как человек восточной смекалки и имперской утилитарности, выставил перед бурной массой человекомашин свою руку, дабы получить тишину, представил компромисс: рассечь сознание девушки навсегда, рассадив каждую часть по автоботам.

Мужики недолго пороптали, но после жалостливых увещаний Отца всё же согласились не брать на себя преступление. Феранду уложили в расщепитель сознания, заодно в назидание приведя на представление всех своих многократно обмененных несчастных жен. Феранда в последний миг прикоснулась к Отцу, и тот прочел: «Прощайте, милый, прощайте и не забывайте!»

Измученный, он ответил ей, но зародившаяся в его голове мысль не успела отправиться в сознание Феранды – на той стороне уже воцарилась тишина.

В поселке появилась тьма всяких полезных роботов – садовники, уборщики, камнесборщики, пылеподаватели, ляопугатели, рудоискатели, погодопредсказатели, торговопродаватели и пивоохладители. Майор Бу больше не сетовал в докладах на нехватку рабочих рук, указал на повышение уровня жизни в колонии и подчеркнул три раза отсутствие каких-либо жалоб. Вскоре его повысили до полковника, пообещав, как прошлому надзирателю, возможное возвращение в столицу Терра-Империи.

Двух вдов, оставшихся после Хиндли, прибрал к себе Кас-

пер Джонсон. К тому времени его рассудок, возможно, от потери единственного близкого человека на Катанге, окончательно расстроился. Ему патологически мерещилось, что девушки оказались порченными, что в жены они больше не годятся и только готовят ему ядовитую или расплавленную смерть, а потому калечил их беспощадно. Вдовы принялись поминать добрым словом Феранду каждый раз, когда на пути попадался один из бесчисленного множества служебных роботов.

Чувствуя, что скоро из них тоже извлекут душу, а возможно, все-таки прислушавшись к доводам «бунтарки», в тихую безоблачную ночь женщины сбежали из поселка: дождавшись, когда в небе загорится новая звездочка с кочующим торговцем на звездолете, они не вернулись с вахты.

Хакнутый автопоезд с никелевыми чушками, куда они проникли с небольшим кульком, бесшумно провез вдоль посёлка, к самой площадке космопорта, аккуратно въехал в корабль с остывающими двигателями, остановился и заглох.

Торговка, пожилая и седовласая, в широкой тунике из серой ткани, едва зайдя в грузовой отсек почувяла неладное, прикрикнула и для убедительности взялась за кобуру; выползшие из-под пластиковых боксов женщины виновато подошли к ней, держась друг за друга и за свой холщовый кулёк.

Торговка пригляделась: у первой не было руки, одна лишь культя со следами механической клешнеобразной злости и

грубой хирургической операции; у второй отсутствовала левая грудь, а щеки порезаны шрамами; обе в грязных обносках, покачивающиеся, как деревца после бурелома, стояли смиренно.

Под ноги торговки упало содержимое кулька – крупные, с яблоко, рубины. Таких размеров они бывают только на Венере.

– Кто такие? Как звать? Зачем проникли?

Тишина.

– Интересные камушки... За что вас так? Каторжанки, преступницы, небось? Не слыхала, что тут располагалась колония.

Тишина.

– Вы что, языки проглотили?! – крикнула торговка.

Женщины покраснели. Одна в сильном заикании попросила взять с собой, либо тотчас застрелить, чтобы больше не мучиться.

– Никогда ими не были, – сказала она. – Нас украли с колонизаторского корабля, украли и продали!

– Рабство запрещено, – усомнилась в словах беглянки торговка.

– Контрабандист провез нас под видом скота. Всем тут плевать на закон. В этой колонии творятся дикие вещи, люди сходят с ума от машин и дичают. Нам обещали выдать генетический ключ, как только разберутся с идентификацией личности. Но это был обман! Нас выкупил господин Хиндли,

с ним и жили, пока у него не появилась третья жена. Мы-то смирились с такой жизнью за столько лет, сбежать уже не пробовали, а она уgomониться не смогла, вот и убила его. Потом нас отдали одному чокнутому, стало невтерпеж, стало страшно...

– Н-да, вот тебе и на... – протяжно сказала торговка.

Помолчали.

– Зовут меня Констанца. А её Розана, только говорить она не может... Есть ещё столько же рубинов, отдадим, когда вывезете отсюда. Пожалуйста, заберите нас!

Торговка присела на бокс, не отпуская взгляда от беглянок.

– Могу подбросить до ближайшей торговой станции, которая у S Андромеды, а дальше будете сами по себе. Головой своей я отвечать за беглых не хочу.

Женщины охотно закивали.

Корабль мягко и размеренно оторвался от почвы, плавно повысил высоту, пронесся над карликовым лесом; над поляной с расцветшим земным вереском, где так часто сидела Феранда в одиночестве, тоскуя по свободе; над поселком, где каторжане собирались на утреннюю вахту хороводить, и где Каспер Джонсон смеялся и плакал, ища беглянок.

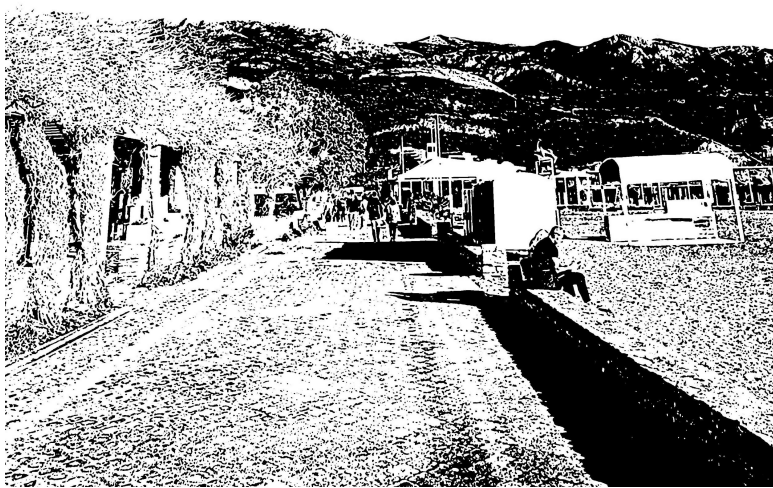
В самом посёлке люди смешались с машинами, и некоторые из них даже передвигались по-человечьи, казалось, что они танцевали, шли украдкой или уверенно, делали пробежку или лениво ползли на работу. Констанца и Розана не изда-

вали ни звука, пристально вглядываясь в знакомые места, с подкатывающей от страха тошнотой прислушивались к ритму пульсирующих двигателей, задавая про себя окрашенный недоверием и предательством вопрос: «Продаст или нет?»

Набрав скорость, корабль, отяжелевший, складывающий крылья и развернутые антенны, пролетел над горой со старым шрамом, пробился сквозь крепкие черные облака, и исчез.

Сдобный голубь

I

Тесто поднялось и вылезло из кадки. Милица, едва зайдя

на кухню, крикнула:

– Убежало, держи!

Два мальчика на побегушках, Лука и Марко, подняли крышку и принялись детскими кулачками бить тесто. Они нанялись летом к Милице, приторговывавшей на старости лет сдобой на летних улицах.

Под вечер, весь пламенный в оранжевых лучах, променад балканского городка заливают рекой многоликих и раскрасневших от солнца туристов, громко шумящих на своих языках. Где-нибудь на одной из темно-зелёных скамеек, либо у отбойника, желательно под деревом, и будет стоять пожилая торговка с корзиной.

Милица достала широкий нож-резак: аккуратно, но уверенно подрезая тесто, она сложила множество кусков на столе. Раскаткой занимался Лука, а Марко следил за печью. Вытащив горячее полотно с испекшимися булочками, женщина посыпала сахарной пудрой, корицей, либо густо смазывала шоколадным маслом.

– Баба Милица, оставь на чай! – попросили Лука и Марко, протянув свои тарелки. Женщина, обложив корзину пекарской бумагой, складывала сдобу вкруговую и причитала, что трат на ребятню слишком много, что-де чистой прибыли совсем мало, что скоро торговое дело закроет и займётся только садом да разведением бесхлопотных цветов. Дети убежали с выпрошенными булками на двор, Милица ушла, закрыв дверь на ключ.

– Приходите завтра, сегодня весь день буду торговать.

– Да вашу сдобу за час раскупят! – подлизались мальчишки. У Луки половина лица уже была в шоколаде. У его ног вертелись голуби, приноровившись назойливо следить за человеческой трапезой.

Асфальтовая дорога под небольшим наклоном плавилась. Милица неспешно шла, употев дважды, пока не добралась на приглянувшуюся скамейку у цветущего каллистемона. Корзина, как магическая лампа, едва раскрывшись тут же выпустила на волю джиннов: ароматы домашней кухни, сладкой корицы и свежесдобленного мучного окутывали разум прохожих, от чего у многих из них засосало под ложечкой.

II

На устах местных не сходило слово аномалия. Аномальная жара. Аномальное тепло. Аномальная температура. Аномальный зной.

В тот день, липкий и одуряющий, духота грозила смертью, поэтому община предпочла пораньше открыть и побыстрее закрыть муниципальные учреждения. В больнице святого Карагеоргия тяжелобольных обмахивали и опаивали, вентиляторы бесполезно крутились, а по коридорам торопливо расхаживали медсестры. Главный врач предусмотрел, что от выздоравливающих, здоровых с нездоровой мнительностью и прочих с несерьезными болезнями следует избавиться, и поскорее, на случай, если придётся принимать пациентов с солнечным ударом, места может не хватить. Решение косну-

лось так же палату с душевнобольными: оттуда выпустили нескольких беззлобных и не буйствующих, отобрали кровати и прочую мебель и пару комнат записали в резерв.

Женщина, оробевшая и в простом мешковатом платье, стояла у порога больницы и что-то шептала в небо. Солнце, не прикрытое облаками, палило в лицо чудаковатой, она щурилась, закрывала лицо рукой.

– Ты свободна, – сказал ей главврач. – Будешь посещать нас по утрам. Пока не спадет жара, а там посмотрим. Ива, возможно, пришла пора тебя выписать.

III

Ближе к семи, когда корзина наполовину опустела, к Милице подошло знакомое лицо. Её смутило, что в отличие от говорливых туристов, молотящих языком без остановки, этот человек только шевелил губами. Солнце слепило Милицу, она спустила со лба очки и удивленно спросила:

– Ива? Ты что тут делаешь?

– Здравствуй. Спасибо, что узнала.

Повисло секундное молчание.

– Я думала, ты не узнаешь, – продолжила Ива.

– Тебе разве не следует быть на лечении? – Милица настороженно разглядывала собеседницу.

– Доктор Вукович сказал, что сейчас мне намного лучше. Он велел идти домой и приходите на утреннюю поверку. Я отправилась на автобусе, постучалась в свою квартиру, но там никого нет. И ключа под ковриком тоже. Доктор Вукович

советовал почаще дышать свежим воздухом и делать пешие прогулки...

Милица молчала.

– ...В палате серо и душно, там солнца нет. Людям в больнице жизни не сыскать. Только богу душу отдают.

– Ты, наверное, голодна? – спохватилась Милица. Она взглянула на корзину. Достав платок, завернула в него три простых булки, осторожно сунула кулёк Иве в руку.

– Я позвоню Луке. Мальчик отведёт до дома. Твоей родне позвоню, сейчас всё устроим.

Лука под руку увел женщину. Милица обеспокоенно смотрела им вслед. Сколько лет её не было в моей жизни, спросила она себя. С тех пор, как в дом передали новость, что Петар, первый и единственный муж Ивы, пропал в боях где-то под Игманом, разум женщины помутился. Мир погас, почернел и посерел в её глазах. Всюду ей виделись знаки свыше. Отца Андрея, местного священника, она слушала, сопротивляясь, но держала себя в руках. Так продолжалось несколько месяцев, пока настоятель внезапно не умер, и тогда Ива, по словам знакомых, «совсем зачудила».

Доктор Вукович поставил ей диагноз, и поседевшая Ива отправилась в небытие.

Никто не посещал Иву в больнице, кроме Милицы. Их дружба в прошлые годы была сердечной по-деревенски. Но Ива после института вышла замуж, стала учительницей, заимела авторитет в общине. Милице, заждавшейся «того само-

го настоящего», провалившись на последнем университетском экзамене, было суждено пить чай в одиночестве.

В городке на десять тысяч человек слухи отражались, как эхо в пропасти. Милица смотрела, как Иву покрыло одержимостью. Не в силах противостоять незнанию и собственной глупости, смущенная слухами о заразности недуга, а также надеясь, что Петар всё-таки вернется, она оборвала все встречи.

Знакомым было сказано, что Ива тронулась умом безнадежно. Ложь оказалась страшной, и в неё охотно поверили.

Как же теперь быть, вопрошала вслух Милица, разглядывая уходящую фигуру Ивы.

IV

Милица торговала на скамейке. С утра её настроение не заладилось, торговля шла с неохотой, руки отдавали сдобу не от чистого сердца, как раньше. Местные, сидя за столиком кафе, за крепким черным судачили новость о пересохшей горной речке, что жара расстроила планы заработать на туристах, поэтому сезон придется закрыть позднее, чем это делалось в прежние годы.

К ней подошла Ива. Местные спешно бросили десятку евро на стол и ушли по внезапным делам.

– Снова ты? – холодно спросила Милица.

Ива поздоровалась, поблагодарила за доброе отношение к ней, а после купила три булки с яблоком и изюмом.

Усевшись напротив, Ива посмотрела в небо и трепетно

зашептала. Проходящие удивленно озирались, вышел официант и попробовал. Ветер тронул её седину, раскидав вычесанный дома прибор по лицу. Ива достала купленное, откусила от одной булки, сказала спасибо куда-то в пустоту. Затем, взяв вторую, Ива разломала хлеб на крошки; тысяча тысяч белых хлопьев упали на каменную мостовую.

Тут же завиделись голуби. Со всех сторон сизые порхали крыльями, шумно приземлялись, ворковали. Они немедля приступили к еде.

– Пи-пи-пиу, мои дети! Пи-пи-пиу, твари божьи, ешьте, простые мои! – лицо Ивы прониклось блаженством.

Всё это время Милица смотрела на происходящее с нарастающим недовольством. Хлеб, разломанный и разбросанный по грязным камням, где ступает нога туристов, собак и бездомных, вызвал в ней отвращение и оскорбление, от чего женщина спешно собрала корзину и убралась домой.

V

Вечером, когда над городом появилась первая звезда, в доме Милицы собрались друзья. По веранде гулял ветерок, фоном звучал телевизор – молодой человек задавал каверзные вопросы на улице у взрослых, те злились на него, отмахивались или бурно выдавали одинаковые со времен Тито реплики.

Милица безучастно наблюдала. Йована, сидя в кресле, рассказывала:

– Мой Милош всё стоит на своем, что немцы со следую-

щего года перестанут приезжать к нам. Климат испортился, с каждым летом всё жарче. Вон, говорит он, у немцев в своей Германии нынче тоже аномальная погода. Милош хочет продать ресторан в Пржно, а на вырученные осесть в Подгореце.

– Твой муж в своем уме? В столичной жаровне жить! Летом дуреешь от духоты, зимой от угля свежего воздуха не сыщешь, – изумилась Живана.

– Да хоть бы так, подешевле живётся в столице. Цены видела, как накрутили? – ответила Йована.

– Пустое. Брось пылесосить городские сказки, – Живана отмахнулась рукой от собеседницы.

– Йована, ты ж из больницы не узрешь, как немцы тут всё раскупили! – встряла в спор Нина. Ей не верилось (а может, не хотелось верить), что вечный мир способен измениться вот так, в одночасье. – Как у себя дома хозяйничают. Скоро станем одним большим курортом, обслугой у них. А ведь ценник в магазине для Ганса, а не под Николу. Стал бы иностранец на югах покупать себе домик, знай он, что скоро тут будет, как в Сахаре? Тем паче такой умный иностранец, как из Германии. Так что никакое глобальное потепление не существует, мы на своей земле жили, живем и будем жить!

Услышав слово больница, Милица заморгала глазами. Не глядя на стол, она рукой нащупала пачку сигарет, закурила третью, и спросила:

– Что нового в больнице?

Йована пожаловалась, до того возросла нагрузка, что медсестры всю неделю с ног валяются. Из столицы обещали привезти кондиционеры – это обещание давно скисло. Молоденькие ассистенты недовольно бурчат, что их заставляют делать обходы в самый солнцепёк. Палаты уплотнили койками, может быть, придётся поставить в коридорах.

– Привозят сердечников, пенсионеров, «хроников», заснувших на пляже иностранцев, детей. И ещё кое-что, только я вам не говорила, – Йована наклонилась к подругам, желая передать интимную информацию, – больничный морг переполнен тоже. За неделю десятерых привезли.

– Да ты что, правда? – Живана и Нина одновременно зацокали языком.

– Правда-правда, только это сугубо конфиденциально, как подруга подругам, ага?

Подруги охотно закивали. Милица сказала недовольно:

– Значит, психи и дальше будут шляться по городу.

Все сразу поняли, о ком речь. Подруги, посидев ещё немного, собрались домой.

Прошло две недели, как Иву выпустили из больницы. Родные от новости про возвращение чудачки словно разбежались: у всех дома маленькие дети, беременные и очень важные ремонтные дела, не терпящие простоя. Милица знала, почему родня Ивы остерегается от общения: она помнит, как приукрасила восемь лет тому назад свои истории встреч в палате.

Но не это беспокоило Милицу. Все дни бывшая подруга приходила к ней на площадь, чтобы купленной сдобой кормить голубей. Почему мой труд попирают таким бесстыдным образом, спрашивала себя Милица. Человек простосердечный, она крестилась при каждой встрече с Ивой, однако сдержат гнева в своем сердце больше не могла.

Сначала ей удалось прятать глаза в каллистемоне, стоило Иве появиться на городской площади. Один раз это сработало, но на следующий день Ива восприняла игнорирование подруги как таинственное общение с богом, а потому принялась стоять долго и упорно, ожидая, пока её заметят. Поняв, что тактика больше не работает, Милица ушла подальше от старого места, к ресторану «Царская камбала». Возле старого питейного заведения клиент не ахти и деньгами не щедрит, зато всяко-лучше, чем наблюдать, как пошло обходятся с её трудами.

В пятницу Ива прознала, где расположилась Милица на новом месте.

– Я тебя потеряла, – сказала она, словно извиняясь.

– Да ничего-ничего. Ты чего-нибудь хотела?

– Трёх булок, как всегда.

Милица разозлилась.

– Что же ты привязалась к моим булкам? Хлеб только тра-тишь на грязных птиц.

Ива тоненьким голосом, почти плача ответила, что голуби твари божьи, и ей следует их подкармливать.

– Зачем? – раздраженно спросила Милица.

– Я жду вестей.

– Каких, и от кого?

– От Петара. Пока лежала в больнице, он меня посещал.

«Тронулась», убедилась Милица.

– Мне стало душно, Ива, я пошла домой.

Собирая корзину, ей послышалось хлопанье крыльев голубей. Женщина резко обернулась – птиц не оказалось. Ива стояла с кульком в руках, шепча в небо.

VI

– Нет, это исключено, – резко ответил доктор Вукович. Разговор сильно затянулся, уже следует проводить вечерний обход, и доктор искал повода, чтобы избавиться от назойливой посетительницы. Вентилятор на потолке гонял по кабинету душный воздух, из раскрытых окон слышалось, как садовый спринклер разбрызгивает воду на больничной лужайке.

– Исключено и невозможно, повторять больше не буду. Не вынуждайте меня ограничить прием посетителей.

Врач всё громче стучал ручкой по столу, дабы его слово казалось более убедительным. Но посетительница доктора Вуковича тоже не унималась. С её слов она тоже пострадавшая и заслуживает самое минимальное внимание к просьбе.

В дверь постучались. Медсестра Йована, заметив гостью, удивилась:

– Мила, привет, а что ты здесь делаешь?

– Жалуюсь на плохой сон, – солгала Милица.

Врач попросил принести свежей воды. Едва закрылась дверь, как он встал с кресла, оттянул вправо галстук и пересел на кромку стола, заделав доверительный тон.

– Послушайте, Милица, больница ничем помочь не сможет. На основании одной жалобы положить её обратно в палату невозможно. Все палаты совершенно заняты, и вы можете это проверить, если хотите, когда я начну обход...

– Но ведь она мешает мне жить!

Лицо врача нахмурилось. Он потер очки, и настойчиво заговорил:

– Никто не запрещал покупать товары даже таким людям, как Ива. Не запретите и вы. Должно быть, вам привиделось, что Ива занялась преследованием. Как пациентка, её психологическое состояние вполне нормальное, а чудачества сродни кормлению голубей не относятся к общественно опасному поведению. Сейчас важнее получить помощь людям с тепловым ударом, которых стало слишком много для нашей маленькой больницы. Для вас я выписал хорошее снотворное – это поможет справиться с излишними эмоциями. Будьте здоровы, Милица.

Врач проводил женщину, перед самым выходом пристально всмотревшись в черты её лица. Немного одутловатое, покрытое глубокими морщинами, уставшее от нервного перенапряжения, глаза, накопившие большую обиду. Женщина шла очень медленно и с опаской, словно боялась вернуться в

город, где свободно бродит его пациентка, любящая кормить птиц и общаться с небом. Напоследок, Милица пространно заявила врачу:

– Вы глубоко неправы, оставляя меня с ней. Я боюсь.

– Зачем же бояться её? – спросил Вукович.

– Не её, а себя.

VII

Ночью Милица вертелась в кровати, напрасно зевая. По ночному городу ездила шумная молодежь, под окнами сцепились в громком лае собаки. Прошел июль, настал август, люди приспособились к необычайной жаре.

Женщина, сбросив с тела одеяло, глядела в потолок, пытаясь выбросить из головы злые мысли.

Сама себя накрутила, призналась она, присев на кровать. Дура я старая. Дьявол меня попутал, сказав лишнего доктору? Или сама пошла на то из-за глупости и зависти? А Ива, видимо, всё поняла, всё знает про сплетни, и для того она изматывает каждодневным посиделками.

Чтобы что? Чтобы раскаялась я.

Милица включила лампу. Тусклый желтый свет осветил угол комнаты, в котором спала женщина. В комнате был порядок, но не было уюта. Стена увешана фотографиями, все сплошь из молодости, среди которых виднеется фигура Ивы. На одной фотографии поход на гору Иман, где Милица наивно ждала взаимности от Петара. Но юноша в тот вечер зашел в палатку к Иве. Милица не простила и весь поход проходи-

ла со злобой, не радуясь ни ручьям, ни птицам, ни цветам.

На другой фотографии Ива, Петар и Милица у подножья памятника в Сутеске. Петар и Ива поженились и держатся вместе. Милица фальшиво улыбалась, когда у неё интересовались про любовь.

Иногда она отвечала строками Радичевича:

Я – молодая,

Здесь ожидаю,

Как тогда.

Петар, в отличие от Ивы, находил в строках подлинный смысл. Встречи с ним были редки, пока не исчезли вовсе. Ива продолжила дружбу, измену в подруге не замечала, но часто сетовала на возросшие заботы по дому.

Любила ли я кого-нибудь ещё, кроме него, спросила себя Милица. Наверное, нет.

Милица отправилась на кухню. Печь, стуженая и молчащая, покрытый скатертью стол, танцующая под ветром занавеска. Гнев возвращался с новой силой. Всё, что у меня есть, это печь да сдоба. Не прикрывает ли Ива свою месть богом? Правда ли она не ладит с рассудком? Вопросы, как каленое железо, больно трогали её сердце. Всё её внимание сосредоточилось на белой пачке фенобарбетала, лежавшей на полке вместе с рецептом от доктора Вуковича.

Вечер был испорчен тяжким случаем. На днях, когда Ива в очередной раз пришла покупать, Милица сказала нет и закрыла корзину.

Ива поначалу не поняла даже, что ей сделан отказ. А потом, когда блаженный ум женщины немного прояснился, она сконфузилась.

– Сходи в магазин да купи хлеба, а меня оставь в покое, пожалуйста, – Милица, скрестив на груди руки, смотрела в сторону идущей толпы. Праздношатающиеся туристы толкались и протискивались сквозь узкие улочки старого города, с наивностью снимая на камеру всё подряд.

Конфуз Ивы перешёл в немые слёзы. Как ребёнок, у которого отобрали игрушку, она отошла в сторону и заплакала. На следующий день она не пришла, и через день тоже.

А сегодня Милица прознала, что соседский мальчишка неспроста у неё стал отоваривался. Уши напряглись, услышав «мне три простых булки». Мальчик дал ровно столько, сколько стоит, ни на цент больше. Продав ему, Милица прикрыла корзину и прошла за мальчиком метров сто, до бульвара с кипарисами. Ива обменялась с мальчиком рожком белоснежного мороженого. Её худые руки надломили сдобный хлеб, крошки полетели в разные стороны.

– Пи-пи-пиу, мои хорошие! Пи-пи-пиу, ешьте, твари божьи, вестники!

Милица подбежала, криком и ногами принялась гонять птиц: «Прочь, вон! Пошли отсюда! Брысь, вон!» Ива взмолилась, шла за разъяренной Милицей и просила не обижать крылатых.

– Прекрати! Я жду весточки от Петара!

– Да ты больная! Твой муж мертв вот уже восемь лет.

– Нет, он обещал мне прислать весточку голубем.

Хлесткая пощечина заставила Иву замолчать. Бросив всё, даже корзину, Милица убежала. Этим вечером зло, долго копившееся в глубинах сердца, поглотило её.

VIII

Утро следующего дня на удивление выдалось холодным. Кучевые облака спускались сверху на предгорье, солнце то и дело пропадало. Милица пекла большой каравай. Луки и Марко не было – старая пекарша не пожелала, чтобы они сегодня помогали ей в деле. Тесто, особо приготовленное, она поделила на две неравные части. В форму положен основной кусок, затем женщина приступила к формовке: из меньшего куска сплела косу, разложила цветки и листья, а в середине кондитерским ножом нарисовала фигуру голубя. Обмазка сделана взбитым яйцом.

Каравай испекся за полчаса. Милица упаковала его и вышла во двор. У двери она на секунду задумалась: стоит ли? Отгнав сомнение, женщина отправилась на городскую площадь.

Ива сидела на скамейке неподвижно, встретив Милицу блаженной улыбкой, словно ничего вчера не произошло. Милица вручила ей дар, против её Петара ничего не имела и желает ей исключительно крепкого счастья.

– Это мне? – по-детски улыбалась Ива, разглядывая каравай. Взгляд остановился на фигуре голубя в середине.

– Это птицам. Пусть Петар живет спокойно, – сказала Милица, прощаясь.

Иву грело изнутри: «Подарок подруги, это письмо от Петара, он хочет общения со мной!». Недолго думая, она разломала каравай и принялась по привычке кормить моментально слетевшихся голубей.

– Пи-пи-пиу, святые вы мои! Пи-пи-пиу, дети божьи, посланцы добрых вестей!

Птицы быстро поклевали крошки, а после упали намертво, усеяв всю площадь трупиками. У ног запаниковавшей Ивы сизенькие больше не ворковали, не курлыкали и не танцевали. «Пи-пи-пиу?», кричала Ива, бегая по площади.

– Пи-пи-пиу, твари божьи, что случилось? Почему вы так со мной? Да что же вы?

Голуби лежали неподвижно.

***

К вечеру, когда с моря подул сильный ветер, Милица впервые за месяц отправилась торговать сдобой на любимом месте. Ей было так весело, что стыд от содеянного растворился без остатка. Туристов на улицах стало вдвое больше, что существенно прибавило доходов для Милицы. В своем злорадстве она приторговывала, пока в корзине не показалась пустота.

Коммунальные уборщики чертыхались, сметая с площади мертвых голубей, а экологический инспектор неспешно собирал образцы для анализов. Официант на ломаном английском

ском доказывал пожилой немецкой паре, что крыс здесь не травят, потому что местные кошки настоящие бойцы и в химической помощи не нуждаются.

Облачное небо спрятало золотистый закат, не стало изнуряющей жары, и только ветер всё холодел и холодел. Туристы бились друг об друга, деньги звонко сыпались в кассу, радовались рестораторы, зажигая в своих заведениях фонари и гирлянды. Из клуба доносилась местная музыка, а милые девушки зазывали в нем расслабиться.

По пути домой, на улице 22 ноября Милице слышался громкий, почти оглушающий свист. Толпа сгущалась вокруг голубого автокрана Liebherr, у которого колесо было высотой в две трети Милицы. Пахло жженой резиной и тормозными колодками, на разных языках кричали «амбуланс», «амбулантна кола» и «скорую». Ходулист в разноцветных одеждах тыкал пальцем: «Сбили!»

– Она выскочила внезапно, я ни за что не успел бы затормозить, – водитель пятидесятитонной машины ревел и пытался кому-то дозвониться. Руки плохо слушались его, пальцы не попадали на клавиши. Толстый полицейский требовал отойти от тела, угрожающе держась за кобуру.

Кто-то из толпы сетовал, что несчастная шла как заколдованная. Милица рассмотрела у жертвы скромное бледное платье и худое тело, страшно покалеченное под колёсами. Худощавая Ива с сединой стала ещё худее, почти как щепка, и больше не шепталась с небом. Всё больше осознавая

тяжесть груза, упавшего на её душу, со всё более расширяющимися до размера блюдца глазами и перекошенным ртом, Милица спросила:

– Господи, что же я наделала?

Стажер

Верижников вскипал от ярости – на планерке начальник Маклаков приказал ему выполнить «мокруху». Так на рабочем жаргоне называли самую мерзкую и впридачу опасную задачу по удалению литературного шлака.

Будучи стажером, он попал на спецлиткомбинат имени Максима Сладкого. И сейчас Вержников мечтает лишь об одном: «Чтоб всё тут сгорело синим пламенем!»

– Ты не пререкайся. Я твой начальник, а ты всего лишь стажер. Задача непростая, но выполнишь.

Коллектив укоряюще смотрел на Вержникова. Фома Калыка, человек с лицом, уродливым из-за крайне бугристого носа, испытующе улыбался, ожидая развязки. Нужин, литработник третьей, то есть высшей категории, скрестив руки кричал в один такт Маклакова. И Кержак, литработник первой категории, проработавший двадцать или тридцать лет в этом цеху, наклонился к уху стажера и спросил: «Ну, чего бухтишь? Зачем раскачиваешь лодку?»

Но Вержников стоял на своем. Понимая, что сейчас его хотят развести, что его прежний и весьма патриотический альтруизм был изгажен сапогом лицемерия, он наконец встал в позу и принялся отстаивать свою правоту.

Всё началось полгода тому назад. В литературный институт позвонили, и женский голос взволнованно потребовал

срочную замену: «Пришлите на выручку кого-нибудь вместо выбывшего работника. Понимаете, мы за ним железно забронировали под сектор мистицизации культмасспродукта, а его перевели в оперативную группу магического реализма», – с досадой говорили по телефону. Вскорости подобрали старшекурсника Верижникова, считавшегося «золотой серединой»: не чурается работы, исполнительен, даже книги какие-то читал. Сверху – присыпка харизмой и добродушия.

Поначалу всё шло прекрасно. Маклаков и Дурноглядов, главный литературный инженер цеха обогащения, по совместительству правая рука начальника цеха, души в нем не чаяли. Положительно к нему отнеслась сменная бригада из литработников, куда приписали стажера: Каляка, Нужин и Кержак уже предвкушали, как избавятся от чернухи, спихнут её на новенького. Добрый Верижников, верный стажер и честный человек, делал всё как надо.

А потом, то ли под тяжестью глупостей, то ли от натяжения внутренних струн, человек стал меняться. Представьте себе эту перемену – Верижников, изучивший весь процесс «литературного производства» в каждом цехе, принялся делать правки и вставлять замечания на планерке. От чернухи, как от бестолковой и ненужной работы, он отворачивался как от падающего со скалы валуна. Исполнительность превратилась в несогласие. Теория в его голове, красивая и чистая в своем толковании, на практике не стыковалась ни разу

с гнетущей действительностью.

Литработники не соглашались с предложениями стажера, в какой-то момент новаторские идеи, ссыпавшиеся от молодого, стали напоминать старожилам раздражительный зуд в темечке; вокруг Верижникова возникла невидимая, но непробиваемая стена.

Стажер тоже не понимал, как он умудрился испортить отношения с литературным пролетариатом, поскольку считал себя своим. «Я предлагаю не крамолу и не популизм. Видно же, что делают всё спустя рукава, отсюда много шлама и суррогата». Стажер часто задерживался после смены, обходил цеха, склады, проверял механизмы, фиксировал в уме увиденное. Дошло до того, что однажды со сторожевой вышки ему крикнули «Стой! Кто идет?» и ослепили белым лучом прожектора. Мгновенно слетелся рой красных и шипящих дронов, приготовившиеся закидать несчастного усыпляющими дротиками.

С того случая Верижникову запретили находиться на фабрике сверх положенного времени.

– Скажите, что мы сейчас делаем? – спросил он у Дурноглядова на третьем месяце стажерства. – Я читаю карту производства: русской классики тридцать процентов, философии пять процентов, эмульсии тридцать процентов, экстракт гордости двадцать процентов и истории тридцать один процент.

– И что?

– Но даже цифры не сходятся!

Дурноглядов поморщился.

– Издержки неизбежны. Вы переживаете из-за поставок, что ли? Не волнуйтесь, коллега, государство позаботилось обо всём.

– Можно работать и лучше. Для чего бардак?

Дурноглядов посмотрел на машину, в которой дробили литературную руду. Книжки кромсали, обрывки шли по точной ленте в пресс, оттуда пеллеты сбрасывались в вагонетку и шли по тоннелю в следующий цех.

– Вы, новички, все считаете себя гениями.

– Что? – удивился Верижников.

– Но вы не работали так долго, как мы, – продолжил главный литературный инженер. Гром от дробилки прекратился. Кто-то сверху крикнул «Не поставили исторические!». Дурноглядов ахнул, махнул рукой, вперил свои грустные глаза в стажера. – А я тут сорок лет, и ничего. Видите, здешние порядки установились давно, они действуют...

– И они неэффективны, – заметил Верижников.

– И что? Главное – результат. Вам разве в спецлитинституте об этом не говорили? С какой кафедры выпускаетесь?

– С кафедры мистификации нарративов.

– Ну вот. Мистификация – это не про правдивость. Это про результативность от воздействия колеблющихся социальных масс. В таком случае неважно, что проглотит читатель, ураганный боевик или любовный роман, намного важнее лите-

ратурная формула, которую мы внедрим в его сознание.

Помолчали.

– А вы пробовали хоть раз? – спросил Дурноглядов, поглядев искоса на стажера. Верижников ответил, что нет.

– Почему? Если останетесь с нами, попробовать бы не помешало. За жидкой литературой будущее, знаете ли, – не став слушать ответ стажера, инженер цеха не спеша отправился к выходу.

Верижников соврал.

В детстве ему подарили дрон, простейший коптер без всяких девайсов, со строгим правилом не использовать на улице. На природу Верижниковы ездили редко – пришлось играть дома. Одним днем он исследовал все верхние поверхности шкафов, и наткнулся на стеклянную ампулу. Застрявшая в щелке, вся запылившаяся, её было сложно найти на ощупь. Вооружившись стремянкой, чтобы достать её, юный Верижников подцепил ногтем стекляшку, пальцами схватился за узкую часть и вытащил стекляшку на свет.

На ампуле красиво рисовалась надпись «Жидкая книга. Мстислав Радугин «Магический концепт будущего». Поначалу страшась от находки, Верижников всё же решился попробовать.

Горлышко ампулы легко надломилось, мальчик выпил всё без остатка. И тут же произошло невероятное. В голове понесло вьюгой, бросало в жар и холод, мысли сплетались в невообразимый и уродливый пучок, в котором не разобрать,

что есть что. Разум подчинился на время рассказчику:

«Вера в магию придает силу концептам. Магия – это пропаганда мира. Если аудитория верит, то начинает жить по формуле. Формулу произносят, и она становится достоянием, поэтому важно, чтобы истовые маги произносили, а неистинные не могли её произнести. Так работает наш мир. Но магия бывает разная. В центре мира должны стоять настоящие, мировые маги. Пока аудитория получает магию однополярную, но скоро и ради Победы наши маги должны работать над многополярностью. Через малые действия мы приходим к нужному концепту. Эмоциональный поток словесных душ сломит Внешнего врага и раскроет врага Внутреннего. На последних нужно усиленно воздействовать через магию. Нам нужно разработать иероглифы человеческой душелогии, чтобы все жили по нашему, исконно правильному, концепту будущего. Тогда Внешний враг откажется от своего мира в пользу нашего, а наша магия станет интегральной»

Прошло не больше пять минут, как Верижникова затошнило. Голова раскалывалась как от удара палкой, не хватало воздуха, и рвота полетела до потолка. И потом, спустя годы, его часто посещали странные мысли, подобные тем, что подарила ему жидкая книга, казалось, не всё вышло из него наружу, и следовало бы хорошенько встряхнуть мозг, чтобы мусор и песок перестали засорять разум. Но этот момент в жизни повлиял на дальнейший выбор, Верижникова потяну-

ло стать инженером душ, писать магические литературные формулы и вести людей через жилкую литературу в лучшее будущее.

Он вышел во внутренний зал с гигантскими колоннами (спецлиткомбинат построили в горе), в который раз рассмотрел две широкие башни, похожие на стеклянные градирни. Изнутри биореакторов лучился нездоровый зелёный свет. Строения окутывали множественные трубопроводы, шедшие до цеха обогащения. По узкоколейке двигалась автодрезина, скоро она сбросит литературную руду в циркуляционный насос, а оттуда она двинется в ядро, где особо одаренные люди сидят и производят килознаки.

Верижников пошел на склад. Разнорабочие в экзоскеле-

тах выносили на больших поддонах ячеистые ящики. Внутри них хранились флаконы с готовым литературным продуктом, или гэ-тэ-эл, так сейчас называют художественные книги. На прозрачном флаконе прилеплена этикетка с аннотацией и инструкцией по применению.

– Что грузите?

«Смертный идол для простого народа», – ответил кто-то из грузчиков. Верижников не слышал о таком произведении ни разу, взял один из флаконов, посмотрел на надписи и присвистнул:

– Его отец был живодером, бандитом и людоедом, но ему ничто за это не случилось. Сын гордится своим отцом, но по его стопам пойти не решил, выбрав путь священного мага. Весь мир против него, и в окружении зреет таинственный заговор против главного героя. Старая новорусская сказка для взрослых... Что за помой я сейчас прочитал?

У грузчика округлились глаза, он заржал, как конь, слюняво и гогоча.

Верижников прочел инструкцию: «Перед употреблением согреть до комнатной температуры и продолжительно взболтнуть. Вдыхать постепенно. После употребления упаковку смыть в унитазе».

Стажер положил обратно флакон.

Вспоминая такие моменты, Верижников убеждал себя в том, что его обманули. Но он не может понять, почему всё пошло не так. Он готов был сидеть на работе допоздна и за-

грузжать в обогащительный барабан литературную руду, в которой блестили, но ещё не сверкали эссенции правды, гласного слова и справедливости. Но его злости не было предела, когда им пытались заткнуть дырки собственной расхлябанности и безалаберности. А их на здесь предостаточно.

Почему так много лицемерия? Может, никто не верит в нужность своего труда? И только престиж да деньги их удерживают?

– А сколько знакорад в час возле компенсатора давления? – спросил Августов, ещё один из сменной бригады, где работал Верижников.

– Ну, приблизительно три и шесть в час. Это немного, – ответил Дурноглядов.

– Ни отлично, ни ужасно, в самый раз. Выдам два дня отпуска тому, кто согласится помочь стажеру.

Тишина. Никто не хотел заниматься сбросом литературного шлака, накопившегося из неудачно изготовленных болванок произведений, литературных монологов, диалогов и полилогов, криво сшитых цитатников и прочего, требующего очищения огнем. Шлам хранился в жидком виде и под давлением в компенсаторах – огромных подземных резервуарах в цеху номер два.

Дурноглядов как-то за обедом сказал Верижникову, что раньше утилизацией шлама занимались работники из био-реакторов.

– Потом наверху, в статотделе, обнаружили, как с этой ра-

боты «поплыли» вперед ногами наши р-р-работники, – засмеялся инженер, вертя в воздухе вилкой с насаженной на неё сосиской. – Вообще, бригада, сидящая в биореакторе, относится к высшей категории, повышенный оклад и квартальные премии, даже при проваленном плане... Только ходит молва, они со временем скисают в чанах. Кто-то сходит с ума, кто-то спивается, кто-то потребляет вещества...

– Когда я трудоустроился на постоянку, штрафной работой считалось сидение в этом самом биореакторе, – сказал Августов. На его тарелке лежала жухлый зелёный салат, столь схожий по состоянию с его сегодняшним лицом. – А теперь бросают в дробильную. Но в биореакторе страшно: сидишь одиноко в автоклаве, в теплом эфирном масле, всюду телекраны, в руках клавишар, печатаешь, печатаешь, печатаешь, пока не иссякнут силы или не сотрутся пальцы.

– Теперь ясно, почему Каляка постоянно угрожает мне стажировкой в биореакторе, – заметил Верижников.

– Да? Не знал. Так он и прав не имеет, бесправный он. Вот как бывает... Касательно литературного шлама. Ш-ш-штука очень темная. Взрывоопасная. Биологически вредная, химически грязная. Один раз вытек шлам из цеха – десять на тот свет, а двое остались с м-м-мозгоразжижением.

– Плохо, очень плохо, нездоровая атмосфера влияет на КПД. Ты не злишься на ребят? – спросил Дурноглядов.

Воприков опасался, что инженер по безопасности додумается провести профилактическую беседу, после которой

станет только хуже, и потому солгал.

С ним разговаривал сам Директор. Обещано жестко отреагировать на неисполнение приказа (номер не упомянул) об удалении литературного шлама. Поэтому поручено выполнить её завтра ночью, во время третьей смены. Предложенный список с командой по утилизации был отвергнут с порога.

– Товарищ начальник, да разве можно меня, передовика вывоза литературного шлама, отправлять на это задание? Отправьте стажера! – закричал Каляка, возвращая Верижникова обратно в мир.

Рабочие смены громко поддержали предложение.

– Он у нас оптимизатор, рационализатор и революционер! Много чего интересного предложил, умный же, дай ты ему работку-то, чтобы принес пользу, – высоким голосом вопил Нужин. Из присутствующих он меньше всего хотел заниматься чернухой, несмотря на его частые заверения в наличии почетного знака «Передовик выброса литературного шлама».

Маклаков, и без того грузный от своей туши, принял совсем тяжелый вид.

– С нами сейчас будет разговаривать *Он*, – начальник цеха включил телеэкран.

В мгновение ока реклама Директора сменилась самим Директором: живым, смотрящим на присутствующих, читающим по бумажке. Бригада, за исключением Верижникова,

испытывающего интерес, резко сникла и вжалась в стулья.

– Послушайте, цель, то есть удаление шлама, носит фундаментальный характер. Обещаю жестко отреагировать за неисполнение приказа. Говорю совершенно честно и открыто. Это задача номер один. Выполнить сегодня ночью, во время третьей смены, – прочитал Директор, поднял голову, посмотрел холодно на всех, будто требовалось подтверждение, что его слушали.

Тишина в ответ. Никто не пытается дать реплику, и только Маклаков с Нужиным энергично кивали головой, кажется, последний додумался всё записать в блокнот. Замявшийся Верижников захотел спросить у Директора, но телекран тут же погас. И это резкое прощание, реальное, а не как в рекламе, с улыбкой и красивыми словами, вызвало в нём странную обиду.

– Для такой операции нужны минимум трое, стажер самостоятельно не управится, – сказал Дурноглазов. – Регламент требует.

– Да там делов на час, не больше. И вреда никакого нет, – заверил Августов. Он хотел вечером позаниматься новым ультрабоевым романом с литературной формулой усиленного столкновения нескольких версий реальности. Августов не скрывал, что хочет предложить свою кандидатуру на повышение до должности старшего литработника, чем внушал страх ужину, который, как было известно стажеру, получил первую категорию за лизоблюдство и чувствительные пьесы

об уничтожении могущественной падали из немагической реальности, которые так нравились Директору.

– Значит так! Решено. Отправим тебя одного, Виктор, – по-отечески сурово заявил Маклаков стажеру. Дурноглядов, смотря в пол, робко заявил:

– Как бы чего не случилось, одобрить такое решение я вряд ли смогу. Возьмите его с собой, Нужин. Вы опытный, у вас почетный знак... Или вы, Каляка.

– Ну уж нет! Нетушки! Я свое отработал, мне полагается почет и уважение, двадцать лет пахал и выполнял поручения, трижды сбрасывал это дерьмо, заниматься этим я больше не желаю! – проорал Каляка.

Дурноглядов скукожился в страхе.

Верижников попытался отказаться, но Маклаков ответил, что сейчас ему не до разговоров и либеральничать он не позволит, раз сказано исполнять, то нужно не пререкаться, а приступать к обязанностям.

– Сегодня в час ночи. Не уходи со смены. Дам тебе выходной, так и быть, если успешно справишься.

– Вправе ли я, стажер, заниматься вредной работой? – спросил Воприков.

Маклаков метнул молнии глазами. Он вперся взглядом в Дурноглядова, а тот тихо-тихо произнес:

– Согласно регламенту, положено исполнять только действующему персоналу со стажем не меньше трех лет. Из бригады

– Ну и что? – не согласился Баранов. – Что с того, что он стажер? Будем ему теперь зелёной мазать каждый раз, да пыль сдувать? Да когда я был стажером, даже обсуждать не полагалось решения начальства. Вот повелась молодежь, обнаглела совсем.

Воприков не унимался.

– Я тружусь больше полугода. И, мне кажется, тут многое требует перемен. С моей стороны нарушений в дисциплине не наблюдалось...

– Ну, это ты так считаешь, – перебил Маклаков, стуча ключом по столу.

– Пожалуйста, дослушайте меня. Я соблюдал все правила и предписания, и находил должным делать труд честно и качественно. Здесь же видится безразличие на каждом шагу. Например,

Нарушение порядка стало нормой, как и перекладывание ответственности на другого. Когда мне выдали направление, когда я в первый день зашел в цех, все твердили о некоей священной обязанности, о почете и долге перед обществом на литературном фронте. Сейчас вы предлагаете мне пойти на очередную сделку с совестью, оставить здоровье на утилизации литературного шлама, хотя я несколько раз рекомендовал отойти от технологии сбора шлама и внедрить новую. Зачем выбрасывать то, что по идее может пригодиться? Вдруг цензурный цех допустил ошибку, удалив полезное?

От последних слов взревела вся бригада.

– Ты посмотри-ка, здоровье он потерять не хочет! – завизжал Каляка, выпучив глаза.

– Перестань капризничать, как обиженный ребёнок, – яростно шептал в ухо Кержак. – Все занимались выбросом шлама, и ты тоже будешь.

– Завались, щенок, и слушай меня сюда! – рявкнул побагровевший начальник. – Ты думаешь, я буду слушать молокососа институтского? Шлам был, есть и будет! Всегда! Хоть знаешь, сколько литературных килознаков в год мы обязаны исполнять по заказу?! Дерьмо в жизни случается, сынок, а если ты не знал – иди и поплачь в подушку. Специальный литературный комбинат имени Сладкого стоит уже пятьдесят лет, отвечая за передовые позиции защиты общества от вируса зарубежного разврата, пережил 1991 год, переживет и тебя со мной. Пошел вон отсюда, я нарисую тебе такую рекомендацию, что ни один работодатель не возьмет.

Дурноглядов побледнел и, кажется, вытек по капле из кресла. Каляка с Августовым ликовали. Верижников что-то захотел заявить в ответ, но увесистая папка полетела в него: стажер, уворачиваясь, упал на пол, а папка громко хлопнула по стене. Сплошной мат Маклакова заставил гудеть окна кабинета.

Верижников, испытывая стыд, не понимал, что сейчас спас свою жизнь.

–

В курилке Августов, Каляка, Кержак и Нужин строили

хохмы над стажером. Было душно, шумели трубопроводы над головой, дым, въедливый, растекался по потолку коридора. В серых комбинезонах они напоминали моль в тумане.

Зашел Маклаков, закурил, втянулся. Литработники напрыглись.

– Пойдете вы, значит.

– Кто? – спросил в отчаянии не то Нужин, не то Каляка.

– Все вы. И Дурноглядов. Где он, кстати? Короче, берите его с собой и дуйте в помещение, пока не перекачаете шлам.

Маклаков, взбешенный из-за бывшего стажера, закрыл на ночь выход из цеха, пообещав открыть дверь, как только с чернухой будет покончено.

Компенсатор давления, стоя в плотном железобетонном колодце диаметром в десять метров и прикрытый для надежности толстейшей стальной плитой, молча ожидал своей участи. В крышке резервуара находились соединители с резьбой. Индикатор давления уже давно зашел за красную линию.

В помещении сухо и безжизненно, кроме механизмов и пульта управления ничего.

Дурноглядов заметил, что фильтрующие коробки для противогаза либо просрочены, либо не подходили по размеру.

– И что д-д-делать прикажете? – слезливо глядел он на противогаз.

– Словно не было такого раньше, – сказал Кержак. – Вот,

я помню, однажды пришлось в девяностых, когда нас все кинули выживать без бабок, без каких-либо противогазов и респираторов работали. И ничего! Пошли уже, сделаем и забудем навсегда эту ночь.

– Сколько килорад в час? – Каляка опасно рассматривал помещение.

– Три и шесть. Как и обещали.

– Может, быстро и без разговоров сделаем? Вдруг это разнно всё, а мы ещё дышим.

Соединив трубы с резервуаром, литработники приступили к перекачке. Литература отвергнутая, литература идейно тлетворная, тексты отрицательного содержания и предложения с инаковой мыслью, слова, не попавшие в нужное место, идеи, не вошедшие в изысканный и утонченный священный образ; всё, что было забраковано в цеху номер один, после дробления, грохочения и расщепления; всё, что отвергнуто литературными работниками своей суверенной властью; всё это плавилось, накапливалось, раздиралось от давления.

Крепление одной трубы отошло. Прокладка потекла, и шлам начал выходить наружу, капать на крышку резервуара и с шипением.

– Семь килорад в час, – удивленно сказал Дурноглядов. – Двадцать, двадцать четыре, двадцать шесть.

– Екарный бабай, утечка.

– Насколько это опасно? Я с таким никогда не сталкивался, и вообще, мне бы домой, писать литературную формулу

для нового романа, – Каляка, паникуя, ухватился за распределительный вентиль.

– Стоп! Отключай насосы! – закричал Дурногладов.

– Нет, продолжаем, не страшно, если чутка подтекает, – отверг Кержак.

Дурногладов обомлел.

– Да ты что... рванет ведь!

– Шлам не взрывается, дурак! Это просто шлам! Помои для бесособствующих! Уходи и не мешай, или спускайся закрутить болты сильнее.

Разразилась ссора. Дурногладов принялся скулить и жаловаться, пугать остальных жалобами в надзорные организации, в ответ его дружно послали на три буквы. Кержак улюлюкал и обещал управиться за полчаса с работой, а Каляка, дабы успокоить себя, называл Дурногладова трусливой девкой. Нужин, как человек, активно занимавшийся сбросом в литературный шлам, лучше всех понимал возможные последствия: спрятавшись за приборами, он принялся мастерить наспех подобие повязки.

Кто-то крикнул, что течь усилилась.

– Что по датчикам?

– Сорок килорад в час! Нужно уходить.

– Нет!

– Дурногладов, не пасуй, займись делом.

Дурногладов встал на колени и опустился посмотреть на трубу, откуда пошел белый пар. Его очки из-за пота слетели

вниз, в бетонный колодец. Августов, прежде сохранявший общий шапкозакидательный настрой, теперь с опаской озирался на замигавшие приборы. Противно зазвенела тревога. Все услышали резкий свист, хлопок, а затем труба лопнула.

Взрывом инженера безопасности оторвало голову.

Орал Кержак: «Выключай, накрывай плитой!». Каляка трясущейся рукой потянул манипулятором кран, но из бетонного колодца вырвался горячий белый столб; всех в цеху забрызгало каплями шлама, кран от напора пара повалило на бок, стрелой он задел и сорвал рифлёную крышу; Кержак побежал было к выходу, но дверь оказалась заперта Маклаковым, он всё кричал и звал на помощь, как подобранный сзади шлам повалил его с ног и поглотил белесым паром. Августов, пытаясь включить резервные насосы откачки, свалился с решетчатых лесов вниз и сварился заживо, а стальной корпус компенсатора разошелся по шву и громоподобно разорвался.

Каляка прыгнул на подножку, обожженный и с безумным взглядом прыгнул в окно, снес даже решетку, побежал в сторону КПП, не оборачиваясь и не реагируя на окрики окружающих. Поток газа стелился по полу, сваливаясь на нижние уровни, издавая булькающие звуки, покрывал асфальт, приборы, помещения и трубопроводы, автопоезда с литературной рудой, захватывая цех.

Маклаков, игнорируя индикацию тревоги, в своем кабинете докладывал Директору:

– Всё идет по плану. Стравливаем, значит, потихоньку давление, выкачаем и утилизируем шлам в печах.

Лицо на телекране, ничем не примечательное, совершенно безразличное и скучающее, моргало глазами и монотонно тыкало ручкой в стол.

– Алексей Алексеевич, вы гарантируете, что сегодня будет покончено?

– Я гарантирую! Моя бригада не подведет. Всё опасное лишнее в литературщине будет удалено. Общество в безопасности и будет получать новые литературные формулы строго в соответствии...

Через дверь, сквозь щели потянулся газ, начальник цеха успел только произнести «Не может быть», как потерял сознание прямо перед телекраном. Моргающее лицо позвало Маклакова несколько раз по имя-отчеству, а потом телекран просто отключился.

Из соседних цехов люди в ужасе кричали и звали на помощь. Из ангара выехал гусеничный пожарный танк, по чей-то казенной глупости его зарядили не тем снарядам, и он прошил насквозь стену цеха; ударившись об землю, снаряд разорвало, побив осколками прибывшую аварийную бригаду. Газ волнами накрывал склады литературного сырья, био-реактор высокой материи и администрацию; кто-то впал в панику и бежал на выход, бросив всё; кто-то решил самоотверженно бороться со стихией, но задыхался в гибельном газе. Охранные дроны повисли над главными воротами, били

электрокнутами сбегающих, а из города спешно выдвинулся аварийный поезд...

Электрический кот

– Ты принес? – мисс Карсон заворожено смотрела на синтета Уилфа. Он держал простую коробку.

– Да.

– Так заходи!

Игрушки пищали и прыгали по столу. Женщина только успевала их подбирать, как они вновь соскальзывали на пол. Из коробки высыпались поломанные, выброшенные и потерянные вещи, остатки довоенной роскоши.

– Какие живые они сегодня! – сказала Карсон, глядя на пушистых игрушек, собравшихся в гостиной.

– Должен сказать, достать предметы непросто. И не совсем законно, – отметил синтет.

Маленькие, светящиеся, тёплые, иногда поющие – роботехнические поделки ручной работы составляли компанию одинокой мисс Карсон, живущей в маленьком двухэтажном доме на Клейтон-стрит 3, что в Бристоле.

После ядерной войны, когда две трети мира сгорело от ракет и бомб с Востока и Юга, она в числе принудительно переселенных переехала в полуразрушенный городок. Карсон, несмотря на преклонный возраст, охотно предоставили визу талантов: её муж, проектировщик деструктора, давно пропал, а дети уехали на другой континент. Возможно, по-

гибли – сейчас не выяснишь, кто жив, а кто уже нет. Дороги стали слишком опасными, чтобы кого-нибудь навещать.

Чтобы скрасить досуг, ей приходилось жить в окружении самодельных машинок. В Бристолe уже несколько лет роботов и синтетов больше, чем живых людей.

– Этого хватит? – Уилф, сидя за столом с прямой осанкой, глядел на суховатого человека. Он молод, а она нет. Она скрипит, болеет и нуждается в нем. Он не болеет, но выполняет задачи, ради которых его родили в искусственном улье.

– Более чем.

– Напомните, для чего они вам?

– Сделаю электрического кота. Для себя.

Синтет вспомнил картинки из детских книжек. Толстый рыжий усач, наблюдающий из окна за прохожими.

Старушка взялась за инструменты и принялась мастерить. Чайник вскипел и свистел, и Уилф пошел отключить его. На кухне тоже бегали маленькие игрушки, слоники и жирафики, змейки и птички, в аквариуме висела ромбовидная скалярия. Он вернулся к пожилой женщине.

– А? Ты ещё здесь? – Карсон смотрела на него сквозь огромные окуляры. Глаза, выпученные от стекла, искрились от азартной занятости.

Синтет признался, что ему стало интересно, чем закончится её авантюра.

– Господи. Ты, наверное, шутишь? Я знакома три, нет, че-

тыре года с синтетамы, и впервые увидела заинтересованно-го в чем-то.

– Почему вас так удивило?

– Такие покладистые, такие мирные и корректные, исполнительные. Мы чувствительны. Думаешь, я умираю от старости? От холодной зимы в августе? От радиационных полей в городе?

Уилф промолчал.

– Нет, я умираю от недостатка чувств!

Уилф вновь промолчал. Искусственный робот, уже почти похожий на кота, крутил хвостом и пробовал издать первые звуки. Пока неудачно. Мисс Карсон встала из-за стола, вытащила пачку сигарет и закурила, пуская дым в высокий потолок. – Неразумно. – Шестьдесят лет занималась неразумными вещами, Уилф. Шестьдесят! Ледяная пустыня в Африке – это дело рук моего мужа. Он построил машину для . Я тоже строила машины. Мы убивали этими машинами. Так что сигареты мои судьбы, просто завершают процесс.

– Неразумно, – повторил синтет. – Могли приобрести детей в улье, если так важно иметь чувства. Мы лишены недостатков, но точно такие по физиологии, как вы. Мы – люди.

Женщина ухмыльнулась.

“Разница между мной и тобой, Уилфи, в том, что я осознала свое желание. Я хочу создавать. Не бездействовать, как искусственные человеки. Не сидеть, тихо ожидая смерти в сыром доме. Соз-да-вать! Тебе нет ни дела до созданий, ты сам

продукт”.

– Возможно, вы не такие, как мы, – призналась спустя пять минут тишины мисс Карсон. Она потушила сигарету, села за рабочий стол и опустила на переносицу свои окуляры. – И я никогда не признаю за человека в скоророжденном из искусственной матки. Возможно, вы не устроите войну, как это сделали мы. Но что-то в вас есть от нас. Может, мы не разглядели в вас сакральное? – окуляры женщины установились на синтета.

– Не понимаю.

– Ещё бы. Погоди, не торопись. Как увидишь, что я умею, и тогда поговорим.

Через минуту, после того, как усы были прикреплены к морде, мисс Карсон внезапно сказала:

– Созидание. Созидать. В создании я чувствую себя человеком.

Синтет промолчал, но стал пристальнее следить за руками пожилой женщины.

Черной ночью, когда экономии ради гаснут фонари на улице, а окна покрываются морозным рисунком, Карсон во всю шила шкурку для электрического кота. Робот капризничал, бил лапкой по лицу, но она лишь улыбалась и грозила ему пальцем. Уилф, социальный работник, ещё раз обошедший все жилые дома, коих наберется максимум с десятков, остался по просьбе Карсон до утра.

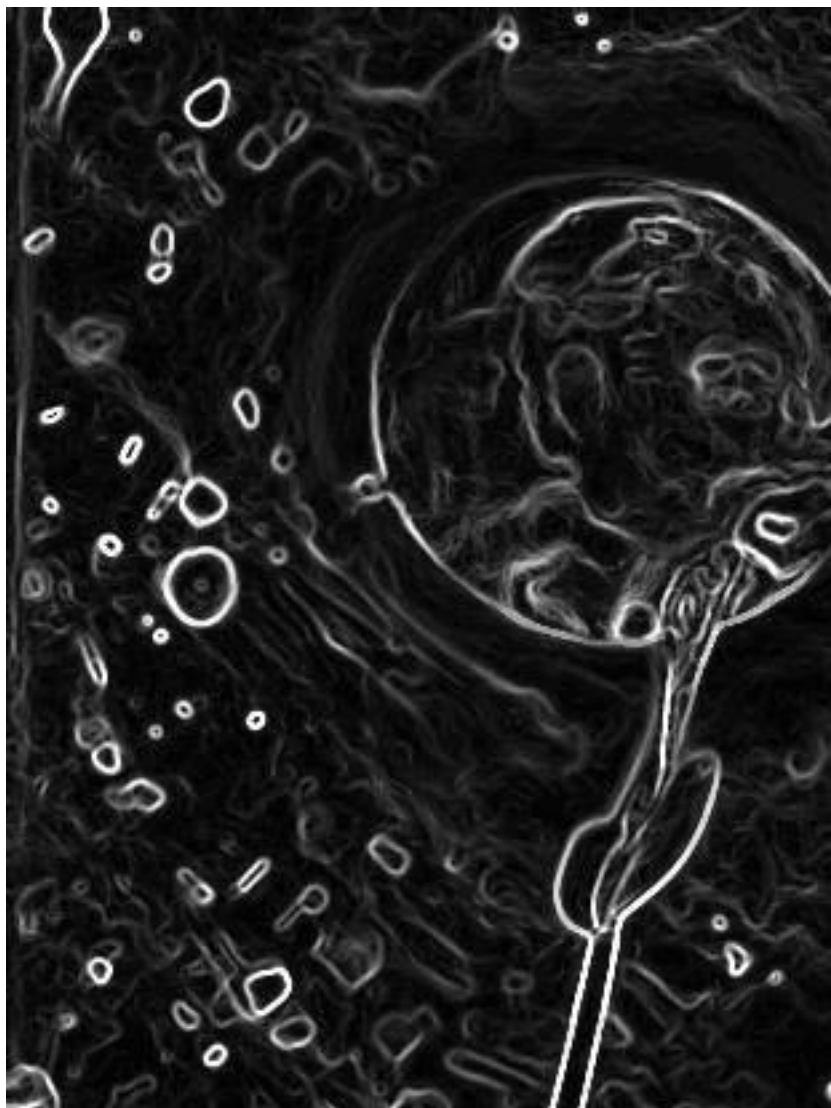
Первые лучи солнца проникли в комнату. Синтет,

проснувшийся строго в девять в , ощутил постороннее присутствие. На него уставились игрушки. Кто-то ползал под ногами, другие шуршали на шкафу и тумбе. Колени грел рыжий кот, пухлый, шерстистый и самодовольный. Огромные как тарелки зелёные глазища лицезрели, как Уилф приподнимает руку. Странные мысли посетили синтета:

Ещё вчера ты был мусором, а сегодня уже живой. В этом что-то есть, наверно. Кот буркнул. Сравнение с мусором ему не понравилось.

Праща небесная

1

тели два бога по пути, названному журавлиной дорогой. Первого знали как Бадняка, он был старше и стоял ногами на щите; второго люди нарекли Божичем, и он держал щит впереди себя. Мимо богов пролетали пылающие звезды, блеклые и яркие планеты, а также разноцветные газовые облака, кометы чертили хвостом по бесконечно черному холсту.

Бадняк с Божичем, играя в салки, мчались к центру галактики:

– Я быстрее заткну пальцем черную дыру!

– Нет, я!

Так бы и сделали они, но Заря, мать всех живых, привлекла их внимание светом. Первым остановился Божич: он, как зоркоглазый, вмиг заметил россыпь золотых звезд, тонкой полосой ярко блестевшей на небосводе. Неведомый путь уходила в сторону от журавлиной дороги.

Золото звезд влекло юного Божича. Бадняк же оказался к нему равнодушным.

– Что тебе до золотых мест? Видел я больше милейших сокровищ, чем эти, – самодовольно заявил Бадняк. Он крепко стоял на своем щите, расположив руки на могучей груди. Меч, выкованный из янтарного стекла, висел на поясе.

– Видел ты, да не я, – ответил Божич.

– Что тебе до ларей с сокровищами? – упорствовал Бадняк. – Ты юн и невежественен, коли разум охвачен соблазном.

Тогда крикнул Божич: «Пусть так, если путь мой ведом

светом Зари, уйду я сейчас; тебя же сопровождать меня приглашаю» Старший бог взглядом разжег свет золотых звёзд, дабы узреть, что они значат и к чему ведут. Звёзды вспыхнули пламенем рубина и гиацинта.

– Вижу я знак в этом пути. Журавлиная дорога подождет. Отправляемся тотчас.

Божич щитом защищался против звездной пыли, тот у него раскалился добела и затрескал от жары. Сзади ругался не такой быстрый, как юноша, Бадняк, и его крепкие слова, как искры, заново поджигали звёзды, потухшие от удара о щит Божича.

– Кто первый, тому дар принадлежит, а кто второй, тому и зависть навеки! – зазвенел смехом юный бог, обернувшись. Он так быстро спешил, что превратился в молнию.

Вконец раззадорившийся Бадняк, достав свой меч, одним взмахом подвернул ему ногу, от чего он запнулся; другим взмахом придал себе большее движение. В конец пути добрались они вровень, дыша в ноздрю, и остановились, ухватившись каждый за планеты-гиганты.

– Что это? – спросил Божич.

Перед ними повисло в космосе длинное, в один рост могучего Бадняка, кнутовище. Сплетенное из верёвки, оно имело в середине кожаный желоб, в который удобно класть предмет.

– Веревки вить, кожу сдирать и механику знать – не наше дело, а человечесьё, – ответил Бадняк. Его пальцы прикосну-

лись к пеньковой верёвке; взять в руки он не решился.

– Кто создал эту вещь, если не бог? – спросил Божич.

– Слышал я одну легенду, что передавали из уст в уста смертные. Человек, чье имя Накал из Терры, вознамерился покорить все стихии, дабы править всем миром, и для того мастерил устройства, способный изменить жизнь. Накалу давалось всё, что он захотел, так изошрён был его ум и так хороши были его руки: мир он заменял новым, в котором искусственные предметы, на человеческом языке прозванные техникой, делали чудеса, недоступные ранее смертным.

– Мудрейший человек, – восхитился Божич.

– Наглейший человек, – возразил Бадняк.

Божич взял предмет, подержал его на весу, словно примеряясь. Вставив указательный и средний пальцы в узловой конец, он взялся за вторую часть веревки и принялся раскручивать.

– Это праща! – Бадняка осенило. – Вставь камень в желоб, да разгони его хорошенько.

Божич оглянулся по сторонам. Слегка потянувшись, достал небольшой астероид, покачивавшийся над его кучерявой головой. Вложив метеорит в желоб, юноша принялся со свистом раскручивать пращу. После нескольких витков праща отпустила камень, который тут же влетел в ближайшую планету. От удара космическое тело взорвалось и раскололось, обнажив пламенное ядро; осколками посекло стоявшего рядом Бадняка.

– Смотри, куда меташь!

– Что стало с Накалом, мастером небесных пращ? – спросил юный бог.

– Странствовал этот человек по разным мирам. Искал он ответы, мастерил свои вещи, хотел превзойти богов. Мерцающий мир его поглотил, я сам видел; черная пасть, усеянная молниями, забрала человека, никому не под силу тягаться с ней.

На месте было решено, что раз вещь найдена совместно, то владение ею станет обоюдным. Свое решение скрепили клятвой: всегда сначала Божич, а потом Бадняк.

2

Юный бог собрал обломки разбитой планеты, крепко сжал в своих ладонях и отпустил в свободное плавание. Слепленная заново, она закрутилась вокруг в своей оси. Божичу не понравился внешний вид планеты, мертвый и зловещий, пусть в ней займется жизнь, сказал он, дохну́в на её испещренную разломами поверхность.

В расщелинах потекла вода, а вслед за ней в небе зародились облака и дождь. Горы покрылись снежными шапками, на полюсах появились ледяные щиты; холодные ветра кружили по морям и континентам. Влага покрыла сухую песчаную землю, сделав её вязкой и тяжелой. Где-то падал снег.

Так Божич открыл для себя искусство жизни. Ему полюбили творить: указательным пальцем он водил по планете, создавая реки и водоемы, бросал в землю семена жизни,

радовался первым всходам и росткам, удивленно взирал на испарения, возникающие от дыхания миллиардов микробов. Божич, загордившись, назвал планету АквариЙ.

Но чем больше творил Божич, тем сильнее злился Бадняк. Жизнь ему была неинтересна, казалась напрасной, а ко всему новому относился с раздражительным опасением. Глаза его вспыхнули, костяшки рук побелели, внутренняя струна натянулась.

– Что ты делаешь, баловень? – возмутился Бадняк. Старший бог не вмешивался в дела юноши, пока из зелени не взлетели первые птицы. Ошарашенный юноша молча наблюдал, как Бадняк взмахом меча сдул всю воду с планеты: пустыня, вновь набравшая смертоносную силу, мгновенно уничтожила всё порожденное.

– Зачем? – спросил Божич у старшего бога.

– Где жизнь, там и смерть. Этот закон вечен. Если ты начинаешь, то мой удел заканчивать. У всякой жизни есть конец.

– Но ты убил её, а не восстановил справедливость закона! – возмутился Божич.

– Породив жизнь, ты вознесся над ней и стал выше меня.

– Так создай сам.

Бадняк нахмурился.

– Мой удел – не начинать, а заканчивать, юный баловень. Я всемогущ, и мне не нужна слава Творца. Краски мои – мечи, песни мои – их звон, холст мой – энергия, выходящая из

смертных.

С того времени Божич пытался сотворить жизнь на планетах, а Бадняк, слепо убежденный в своей правоте, отправлял смерть к творениям юноши. Божич, следуя правилу первого, небесной пращей бросал холодные кометы, полные мерзлой воды и будущей жизни; планеты от них расцветали, махровели лесами и смягчали нрав. Бадняк метал вторым, и всегда в ту же планету, его метеориты были горячими, железными и буйными; они взрывались и убивали всё живое, всё сотворенное юным богом.

3

Где-то на севере от звёздной журавлиной дороги, недалеко от небесной пращи в одной скромной системе ютилась небольшая планета Бол. Заря пускала свой свет на неё, и земля её была плодородная, живая и чистая. Густые леса сменялись глубокими озёрами, в воздухе витал сине-зелёный запах сырости. Кричали лягушки. Луна серебрила водную гладь.

Три пышногрудые и длиннорукие девушки неспешно двигались по тропе. Они пели песни, смеялись, а потом снова пели. Их кожа, и без того бледная, от лунного света становилась белой, как бумага. Девушки пришли к озеру, бросили в воду венки и принялись расчесывать волосы. Вода слушала их речи, и успокаивалась.

Ночное небо мигало звёздами. Вдруг пролетела одна из них, словно оторвавшись, с хвостом и искрами, да так близ-

ко, что стало как днём. Девушки замолчали, а после вскрикнули от палящей жары, прыгнули в воду, забыв даже снять свои сарафаны. Под водой, сквозь рябь и вспышки они глядели, как небо взрывалось и роняло молнии. Наконец, утомившись соседствовать с усатыми сомами, девушки высунулись по плечо.

– Неужто опять? – изумилась Крица, самая младшая.

– Опять балуют черти на небе? – возмутилась Воца, средняя.

– Опять, – констатировала Шука, самая старшая. Она вышла на берег, потопав за тяжелыми рукавицами. Заметив, что идет одна, обернулась и сказала: «Чего ждём? Закипай, работа!» Остальные девушки неохотно поплыли к берегу.

Всю ночь они собирали горячие обломки. Из уст Воцы звучала речная мелодия – от рукавов её сарафана текли ручьи ледяной воды, смывавшей пепельные опалы с пораженной земли. Крица, самая юркая, бегала по лесу, собирая камнепад и по пути леча поломанный бурелом. Шука молча хорила камни.

Через время всё повторилось. А потом ещё раз. И лишь на седьмой случай всё изменилось.

Воца колдовала над водой, как увидела высокую светлую фигуру, выходящую из лесной чащи. Ели и сосны кланились ему, словно барину. Девушка прокричала «Батя-водяной, человек идет!», нырнула в омут и позвала сестер. Втроем они подвсплыли, их макушки виднелись среди кувшинок.

– Да говорю тебе, человек! – прошептала Воца. Крица нетерпеливо упрашивала показать гостя: «Не может быть, не из людского он сделан, я бы узнала вмиг» Шука молчала. Юный бог услышал их разговор, обернулся и спросил:

– Кто здесь?

Тишина.

– Кто здесь? – громко повторил он. – Если добр ты, не обижу. Если зол, то пропади на дне.

Шука тотчас же уплыла: «Не мое это дело» Вслед за ней исчезла Воца.

– А добр ли ты? – игриво спросила оставшаяся Крица. Юноша улыбнулся.

– Добр.

– Чем докажешь?

Божич засмеялся.

– Знаешь ли ты, с кем говоришь?

– Может, и знаю. А может, и нет! – Крица хлопнула ладошью по воде, забрызгав юного бога. Он отвернулся, а когда вновь посмотрел на озеро, то никого не нашел. Это разыграло в нём чувства. Буду ли я праведен, если воспользуюсь силой, спросил он себя, и усомнился.

– Нет, не быть этому. Пришел по-доброму, уйду так же.

4

Божич исчез и не возвращался ещё неделю. За это время он горячо спорил с Бадняком. Камни разбитых миров разлетались по космосу. Бадняк всюду сменял жизнь на смерть,

воду на огонь, цветы на сухостой, плодородную землю на горячую лаву. Божич искал своим светлым умом, как бы спрятать жизнь от старшего брата. Смерть вызывала тоску в сердце Божича. К тому же встреча с незнакомкой томила его надеждой.

Не выдержав, он вернулся. На озере стояла ночь, и лишь песни девушек

– Выходи! Ты, чье имя я не знаю, выходи по-доброму! – кричал он в озеро.

– Прекрати, – тихо, но уверенно сказала Шука. Она расчесывала серебряные волосы гребнем, не отрывая взгляд от пришельца. Божич спросил её, кто она и где искать ту незнакомку, что говорила с ним. Шука удивилась, но позвала сестёр. Крица тут же спрыгнула с ивы, улыбающаяся и весёлая.

Шука отложила гребень за камень, подплыла к ногам юноши, посмотрела ему в глаза, и велела сказать правду:

– Ты не человек?

– Нет, а ты?

– Положим, тоже. Людей, считай, тут почти что не было. А кто послал нас в этот край, мы уже не помним. Значит, это ты бросаешь с небес жаркое золото?

– Похож ли на душегуба?

– Тогда кто же губит наши озера и леса?

Божич поведал историю, как он с Бадняком нашел небесную пращу.

Три девушки ужаснулись. Воца залепетала «Я так и дума-

ла, я так и говорила!»; вода рядом с ней забурлила и зашипела, рыбы выпрыгнули из воды, как ошпаренные.

– Так мы для вас игра? – тихо спросила Шука. – И когда придет наш черёд?

Был Божич богом, а от чар трех девушек он не защитился. Стали они его умамливать и ублажать, обещали показать подводный дворец из стекла и изумруда. Приглянулась Божичу самая младшая, и решились они втайне от всех на взаимные чувства. Как мог, украдкой он посещал Крицу, слушал её смех и радовался тому, как под её ногами расцветали маленькие желтые лютики.

5

Всему когда-то приходит конец. Уловил Бадняк, что юноша куда-то уходит. Проследив за ним, он, превратившись в сову, сидя на скрипучей ветке прознал про озерный край, русалок и чувства юноши.

С лица Крицы упала слеза. Капля ударилась об корень давно упавшего дерева.

– Зачем плачешь ты? – юный бог взял русалку за руку. – Позволь забрать в свои небесные чертоги, где нет ни сна, ни зла, ни голода, ни страха.

– Как же ты не поймешь, что я люблю это место! Я клятвой закована здесь навсегда. Мой удел – дарить жизнь и лечить её.

– Значит, мой удел тоже – творить жизнь.

Божич пощупал ладонь русалки. Рубцы от ожогов, они на-

поминали о жарком золоте, что падало с небес.

Возмущенный юноша спросил, почему она себя не жалеет. Русалка мягко выскользнула из его объятий, босыми ногами зашла в озерную воду и погрузилась во тьму.

Бадняк ничего не сказал Божичу. Ухнув по-совиному, он вспорхнул крыльями и улетел. Загорелась в нем злоба, что без его веления делается.

6

Уже не дружили Бадняк с Божичем. то и дело ссорились и обменивались они гневными тирадами. Наконец, признался старший, что знает обо всём; велел ему распрощаться с любимыми. В ужасе Божич сбежал к Крице, рассказал ей о планах старшего, и вновь просил уйти вместе с ним.

– Я не смогу защитить всех сразу. Он слишком могуч и умён, а против его меча у меня только щит. Пойдем со мной, прошу тебя, не вынуждай страдать!

– Но если умрет наш озерный край, и сестры мои, то буду у тебя в темнице жить. Давай испросим совета у брата? Велько прослыл у нас умным и всезнающим.

В поле цветущей ржи было тихо, только ветер доносил до них, как колосья бились. Велько взглянул большими глазами на гостей. Худощавый, высокого роста, такой же бледный, как его сестры, он не пел и даже не плёл венки. Под рубахой виднелись шрамы.

– Давно я тебя не видел, Крица, – сказал первым Велько. – Кто этот кудрявый юнец, что пришел с тобой?

– Он ведаёт, сколько жить нам осталось.

– И сколько?

– До утра. С рассветом старший брат погубит всех нас.

Велько помолчал с минуту, а потом сказал «У каждого начала есть свой конец». Вздрогнул Божич, испугался мысли потерять свою любовь, вспылил, бросился руганью, пока его не утихомирила Крица. Её брат продолжил:

– Правдива та молва, что ходит обо мне. Умен я, богат на знание. Известно мне о твоём брате, юный бог. Он могуч, крепок и почти непобедим; но и слабости у него есть.

– Какие? Меч принадлежит только ему. Мой щит единственная сила!

– И этого достаточно для битвы, – улыбнулся Велько. – Бадняк не так быстр, как ты. Только одно создание могло победить его. Его зовут Огняник.

– Никогда о нём не слышал.

– Это дракон, подчинивший пламя мерцания. Бадняк боялся его больше всего на свете. Стоит Огнянику вспорхнуть крыльями, как он окажется на другом конце вселенной. Твой брат спрятал его внутри звезды, обманув хитростью. Просто так не вытащишь дракона из заключения.

7

Отправился Божич к темнице, в утробе которой был спрятан дракон. Звезду Адамант, внутри которой Огняник находился, отыскать не составило труда: она горела ярче всех на небосклоне, а жар от неё исходил до того сильный, что

газовые облака по соседству вспучивались и испарялись.

Адамант горела жгучим пламенем, гигантские протуберанцы, извиваясь, хлестали по коже, оставляя большие ожоги.

Попробовал юный бог просунуть руку в звезду, но лишь обжегся. Тогда принялся он собирать ледяные глыбы, бросал в Адамант; звезда шипела и не остывала ни на градус. Отчаявшись, бросился Божия с разбегу, выставив перед собой свой щит, и сокрушил Адамант всей своей силой.

К недюжинному удивлению, он попал-таки в таинственную темницу.

Внутри было душно. Длинный пространный зал, окованный цепями. Дракон, лежавший в углу, медленно рисовал на стене. Создание почувствовало гостя, узким взглядом измерив бога.

Огняник выслушал Божича, терпеливо и внимательно, не задавая вопросов.

– Стало быть, я обрету свободу. Ну что ж, прелестно, – дракон мечтательно улыбнулся. Хвост за его спиной витал в воздухе из стороны в сторону. – Нет, ты только послушай, какова глубина у слова свобода. Слышишь, о юный?

Божич, долго думая, так и не постиг глубины этого слова. Дракон усмехнулся.

– Сколько веков я сижу в темнице? Сто? Двести? Может, тысячу? Мои крылья давно не порхали, мои ноздри давно не вдыхали... – Огняник приблизился к Божичу, сладостраст-

но сопя. – Например, аромата леса. Прелестно. Изумительно. Пахнет чистой водой, хвоей и можжевельником. Здесь, в чертогах, скованных цепью и Адамантом, время умерло, стоило Бадняку закрыть за собой ворота...

– Согласен ли ты помочь? Обещаю даровать свободу, чудище.

Дракон поморщился при слове чудище.

– Друг мой прелестный, да какое же я тебе чудище? Я – дракон из тех времен, когда тебя даже не было в этом мире! Моему величию нет начала и конца, стоит вспорхнуть крылом, как молнии взметнутся в звездном небе, искры зажгут звезды, а ветра сдуют облака... Правда, мое положение и правда стесненное, лишен насильно воли и скормлен звезда, к несчастью.

Огняник разлегся поудобнее на каменном полу, расставив впереди свои когтистые лапы.

– Я буду глупцом, если откажусь. Ты будешь сиротой, если согласишься. Бадняку моя свобода смерти подобна. Стало быть, его возможно только сразить в бою.

– Стало быть, – подтвердил юный бог.

– Меня околдовали. Лишь касание Бадняка уничтожит все пути. Сделай так, как велю, и тогда наш договор будет исполнен. Я заберу его туда, где он никогда не найдет врата обратно, в мерцающие края.

На том и порешили.

Бадняк почувствовал неладное. Но выяснить, что же замыслил юноша, он не смог. Божич, пришедший к старому месту, встал возле небесной пращи, ограждая своим телом, и сказал:

– Ты больше никогда не тронешь живых, ни одну птицу и ни одну рыбу, ни одного волка. И даже ни одну травинку! Все эти миры, – Божич провел рукой по небосклону, – отныне мои, будут жить по доброму закону справедливости.

– Погляжу, дерзости ты набрался у своих русалок! Это мы ещё посмотрим, чей закон будет править над мирами! – произнес Бадняк.

Меч из янтарного стекла, извлеченный из ножен, крепко держался в руке старшего бога.

Но тут-то Бадняк и заметил, в чем подвох: на щите юноши появился пламенный рисунок дракона.

– Уж не самого Огняника ты извлек из темницы? Ах, ты подлец! Ах, преступник! Я оторву тебе уши в отместку за оскорбление!

Бадняк бросился в драку, хотел было ударить мечом по Божичу, да только тот был юрок, ловко подставляя свой щит перед собой. Бадняку ничего не оставалось, кроме как оставливать свой удар.

Три дня и три ночи бились боги. Бадняк чувствует, что силы покидают его: становится он нетерпеливее, рука задрожала, внимание ослабло, бой стал ему тягостным. Напротив, Божич всё так же ловчил и задорничал, то отскакивая от ме-

ча, то подставляя свой щит. Юноша, видя, что его соперник выдохся, принялся подначивать и дразнить по-всякому Бадняка.

Разозлившись, собравши последние силы в свой янтарно-стеклянный меч, с криком старший бог замахнулся на Божича. Удар меча оказался прямехонько по рисунку.

Звон металла сменился звуком скрежета. Металл на щите раскололся, из рисунка подул со свистом туман; дракон воплотился вновь, сбросив с себя проклятие. Не успел Бадняк вздохнуть, как когтистые лапы Огняника вцепились ему в спину. Передние лапы взяли его за плечи, да так сжали, что его меч выпал из руки. Старший бог только успел всхлипнуть «Нет!», дракон вспорхнул крыльями, взметнулись разноцветные молнии. Потемнело. Когда в глазах Божича прояснилось, он обнаружил себя уже одиноким.

9

Стало горько юному богу, что потерял старшего брата. Пали горючие слёзы с его щек, и загорались новые звёзды на небе. Взял он меч Бадняка, свернул в ткань и отправился к русалкам.

– Велю тебе, моя любовь, позвать самую старшую сестру свою, – сказал он.

Послали за Шукой. Старшая русалка, как обычно, молчаливо уставилась на бога, выжидая.

– Никто не посмеет сразить ваши земли смертью. Но боль моя страшна! Вот, держи, отнеси это своим водяным с таким

приказом: раскуйте меч, чтобы никто никогда его не нашел, не взялся за рукоять его.

Шука сделала поклон без слов, взяла меч и отнесла в глубины озера, где обитали водяные. Те подергали себя за бо-роды, потому друг друга поколотили, поспорив, кому прика-зано исполнять; наконец, договорились, что исполнят волю бога совместно.

Взявшись за меч, выкованный из янтарного стекла, они принялись его скручивать. Стекло хоть и твердо, да жидким становится, если нагреть. Крутили-крутили водяные меч, скручивали его, как русалки скручивают свои платья на бе-регу, да вытянули его в стеклянную трость. Шука поделила трость на несколько частей: одну оставила водяным, одну се-бе, одну Крице, одну вставила в ворота стеклянного дворца.

И если видит теперь Крица, как в небе падают звездочки, то знает, что это плачущий Божич играет с небесной пращей.

Клоп

– Я не буду забирать труп! – в который раз повторил низкорослик в очках. Метрдотель, старый, но ещё энергичный человек с большим животом и бульдожьей челюстью, приложившись на стол вновь заявил:

– Мы не можем похоронить вашу жену.

– Не жена она мне больше! – заорал низкорослик.

– Поймите же, нет такого закона, который разрешает похоронить иностранца на нашей земле. Вы обязаны забрать тело и сопроводить его до аэропорта. Мы готовы оплатить трансфер. Пожалуйста, согласитесь. Вы разрываете мое сердце.

– Нет!

Метрдотелю от усталости стало плохо. Сначала потерялся сотрудник Исмаил, молодой менеджер двадцати лет, недавно устроившийся в его «Кемер Бич Лара». Тем же вечером с просьбой разыскать жену обратился мужчина по имени Буррак, гражданин Британии. Искали весь день по территории отеля, уже собрались от безнадежности вызвать полицию, но помог случай: в одном номере пожилая немецкая пара пожаловалась на клопов под кроватью.

Уборщица побежала в дальнюю подсобку за инсектицидом, но отворив ключом кривую, скрипящую и не подда-

ющуюся дверь, обнаружила нагое, мужское, чрезвычайно волосатое тело. Замешкавшись секунду, она в отвращении хлопнула дверью, ринулась на ресепшн и десять минут трепыхалась про современные, полностью развращенные нравы.

Шум привлек внимание унылого Бурака. Он, видимо чувствуя, как на его голове обильно расцвели рога, побежал в подсобку быстрее obsługi, запутался в шланге и впечатался в стену. Руки и ноги барабанили по двери, стене и менеджерам, которые в страхе пытались убрать от греха подальше ревшивца. Метрдотель, с большим животом наперевес, взял лапищами низкорослого мужчину и, словно бутылку шампанского на вечеринке, принялся его трясти, дабы привести в чувство.

Ошалевший от такой дерзости и энергичной встряски Бурак впал в замешательство, чем и воспользовалась отельная служба.

– Открывай! – громко распорядился метрдотель.

Свет, проникший в подсобку, был слабым – с моря двигалась гроза, черная, ветреная, не сулящая ничего хорошего. Но тусклого луча хватило, чтобы увидеть округлую заднюю часть мужского тела, бледную и мохнатую, уставившуюся на людей из темной комнаты.

– Исмаил! Уволен! – метрдотель взмахнул указательным пальцем в небо, как бы презрительно указывая на стыд и позор, устроенный им. Но на вторгшихся людей, как и на ре-

плику своего начальника Исмаил никак не ответил. Все ожидали дальнейшей реакции метрдотеля, а потому затихли в ожидании. Мгновение затянулось. Вытащив белый платочек и прижав к носу, метрдотель прошел внутрь, неуклюже ступая в темной комнате, споткнулся обо что-то, взмолился, а после вернулся и нащупал выключатель.

Лампа вспыхнула. Даже за спиной начальника прислуге виделось, сколь ненормальным было положение. Человек-бульдог живо потрепал Исмаила за плечо, потом повернулся к женщине; лежавшая на столе, с прижатой к стене головой, чуть наклоненной вниз, с раскрытой грудью и вздернутым кверху платьем, едва прикрывавшей неприличное место, она так же, как Исмаил, лежала неподвижно, с пугающим стеклянным взглядом. Нахмурившийся метрдотель бросил в неё первое попавшееся тряпье из стиральной корзины, обернулся, побил ладонью по карманам брюк Исмаила, что-то извлек и положил к себе.

– Они мертвы.

– Что? – искренне удивился Бурак.

– Мертвы. Тела остыли. Вызвали полицию? Закройте дверь на ключ, и всё опечатайте., – он обернулся к овдовевшему. – А вы, как вас по имени?

Мужчина попробовал проникнуть в место его позора, но на пути ему встали люди из прислуги. Он сумел рассмотреть мертвую жену и спину человека, с которым она, по всей видимости, ему изменяла весь отпуск.

– Ваше имя?

– Бурак...

– Пойдемте, Бурак.

Пять часов для метрдотеля прошло в тягости. Бурак поначалу сидел в кресле с видом контуженной рыбы, но время развивало этот факт, как будто ядовитый цветок раскрыл свой бутон. Человек почувствовал досаду, что ему не суждено отомстить неверной женщине. Злость и гнев снова искали выход из его сердца.

Бурак принялся жаловаться, ругаться с метрдотелем, предъявлять ему претензии за жену. Метрдотель, как мужчина, повидавший всякое в отелях и знавший многие курьезы от туристического народа, по-мужски сочувствовал наивному низкорослику, как отец похлопывал по коленке и передавал горячий армату. Ему самому было интересно, почему в истории с адюльтером виноват отель, а не рогач и его жена.

Метрдотеля беспокоило, что слух о трупах быстро разойдется по номерам, люди поймут то заразное чувство страха, возникающее при виде чего-нибудь мерзкого, попросят расчитать и съедут куда-нибудь в другое место. К коллегам. К конкурентам. И потом, полиция запросит инспекцию всего здания, помещений, инвентаря, персонала, а в любой проверке легко придраться к какой-нибудь мелочи, придирки придется подмазать...

«И где ж мне взять столько денег, если едва выходим в прибыль, – признался метрдотель. – После пандемии откуда

ж мне взять лишние деньги? Нет, этот Бурак должен уехать с трупом завтра же!»

За окном порывистый ветер беспощадно мучал кипарисы, дня как будто не бывало. Сидели при свете ламп.

– Я для неё ничего не жалел! – признавался Бурак, держа руку на сердце. – Просила одежду – покупал, требовала отдыха – и вот, пожалуйста, билеты взяты, неделя в Кемере. А сколько было потрачено тут, и не счесть: на шезлонги, на крема, на итальянский лёд и пломбир, а ещё на пахлаву, горы пахлавы, я столько никогда не видел пахлавы за жизнь, сколько съела моя жена! А я ведь турок!

– Дорогой, нужно вернуться к обсуждению. Ей-богу, нужно вернуться. Понимаю, догадываюсь о ваших чувствах, но примите и мое положение. Умоляю, вы должны забрать труп, и крайне желательно, чтобы это случилось завтра утром, когда прекратится гроза и полицейские завершат протокольные мероприятия. Вы понимаете?

– Нет! Она изменщица. Гнусная змея недостойна находиться со мной рядом и после смерти.

– Но мы не можем её похоронить здесь, она не гражданка Турции...

И снова круг повторился. Бурак рассказывал, сколько денег вложено в Клавдию, как ей позволили сэкономить, живя в квартире без платы за электричество. А готовила негодная жена, по его словам, стабильно три раза в день, и помногу.

– На счетчиках такие цифры набегали, просто ужас: за во-

ду, за электричество, а ещё товарные закупки в Asda. И что? Как она оплатила мне за такую доброту, какой монетой? Бородельной, во! А каков позор?

– Вам нужно... вам нужно забрать её с собой, дорогой.

Тактичный стук в кабинет.

– Простите, Юнус Эмре, могу войти? – менеджер виновато улыбнулся. С него капала вода, в руке он держал белый сверток. – Меня просили передать. Начальник полиции не может прислать машину. Только завтра.

– Ей-богу, они хотят меня обанкротить, – возмутился метрдотель.

– Но обещали утром.

– К утру мы останемся банкротами.

– И ещё, – Юнус замешкался. – Мы всё выполнили, как вы просили, но в жилете нашли некоторые вещи...

– Какие? – спросили одновременно мужчины.

Менеджер ответил, что это скорее личное, поэтому из благопристойности решили передать несчастному господину. На последних словах мокрый человек взглянул на Бурака с насмешливой искрой.

– Откройте, – попросил метрдотель. Внутри развернутого свертка оказались различные бумажки, листики из блокнота с водяным знаком отеля. Такие лежат в каждом номере в письменном столике.

– Должен вам сообщить ещё, мы, похоже, выяснили причину смерти... госпожи и Исмаила.

– Что, полицейскую академию окончил? Следователем заделался? За что, за какие грехи мне такая прислуга? Чего языком лизать, спешил бы ты работать, Мехмед!

– Они разбили темефос.

Расстроенный менеджер, понуриив голову, тут же исчез из кабинета.

«Темефос? Какой ещё темефос?» – спросил себя метрдотель. Он покосился на принесенную пачку листов. – Знаете что, заберите их себе. Это записки вашей жены? Ну и прекрасно, ознакомьтесь с ними в тишине. Отправляйтесь в номер. Мы пришлем вам ужин, я распоряжусь.

– Ну, погодите вы со своим номером. Представьте, сколько денег было вложено в бесчестного человека. Какая изменность. Полное неблагодарности существо. Какой неумной теперь я нахожу эту змею.

– Кроме того, она ела стабильно и пятикратно: на завтрак чай с булочкой и маслом, плюс яйцо вкрутую, на бранч кофе с круассаном и половинкой зелёной груши, обед с двумя горячими блюдами, в пять часов, как раз после пляжа, просилась на чай с пирожным, вечером легкий салат и мясо без гарнира, – при перечислении низкорослый загибал пальцы, из-за чего у метрдотеля на лице отразилась холодная брезгливость. – Значит, пять чашек и семь тарелок, представляете? И всё это не считая еды на прогулке, всякое мороженое с фисташкой, пахлава и прочая мелочь.

Метрдотель едва сдерживал себя, чтобы не заорать.

– У вас есть дети? Возможно, им необходимо позвонить, оповестить о случившемся.

Бурак внезапно замолк. Мгновение тишины, порожденное вопросом, спустя пять часов нудной нотации показалось межгалактическим путешествием. И стены побелели от чистого безмолвия. Мозг у метрдотеля испытал эйфорию: «Спасибо!»

– Дети? Да какие у нас дети? Нет у нас детей. Мы всё пытались сделать. Три последних года особенно часто. Я делал всё как надо. Это она виновата, проклятая, что не может иметь детей. Но к врачу мы не ходили, дорого. И что? Видите, чем оплатила – изменой. Звонка монета изменщицы, что больно слышать!

– И не говорите, – саркастически ответил метрдотель. Белым платком он протер шею, но вспомнив, что дышал им в подсобке, тут же бросил в урну.

Снова стук. Мехмед взволнованно залепетал: «Юнус Эмре, там драка в баре!»

– Что?

– Славяне дерутся в баре. Бокал в бармена прилетел, из стульев строят баррикады!

– Я банкрот, – смиренно заявил метрдотель. – Отправьте туда всех, и немедленно. Я спущусь через минуту. Бурак, уходите.

– Не буду спать в своем номере. Там вещи Клавдии.

– Мехмед! Мехмед! – со слезами на глазах кричал чело-

век с плачущим бульдожьим лицом, топча ножками под столом. – Отправьте его в номер, где остановились немцы. Всё!

В новом номере, куда привели Бурака, пахло розовой водой, а на кровати в тёмно-красных лепестках неподвижно завис белоснежный лебедь. Нигде не найти ни отпечатка пальца, ни пылинки, и софа, приставленная к балкону, совсем не скрипела. Присев на неё, Бурак почувствовал укусы, по-видимому, бой с клопами в номере ещё не завершён. Хотелось морского воздуха, чистого и освежающего, но сквозь открытое окно влетел ураганный ветер – лепестки разлетелись по полу, а комната наполнилась холодной влагой.

Жаловаться на номер Бурак не решился. Во-первых, он страсть как мечтал прочесть все письма Клавдии к Исмаилу. Его злорадству не было предела: «Как прочитаю писульки, как вскрыю твоё нутро, змея! Будет что сказать твоим родителям!» Во-вторых, метрдотелю, может быть, неприятна компания с ним, человеком, показавшим себя с не лучшей стороны. В-третьих, когда Мехмед вел Бурака к лифту, второй увидел масштаб драки – две группы молодых ребят в футбольной форме, под непонятную брань и одинаковые кричалки колошматили друг друга, изрядно напугав турецкий персонал. Сейчас не до Бурака.

К вечеру, однако, ужин всё же принесли.

Наковырявшись в остывшей говядине, низкорослый мужчина сбросил с себя одежду и пошел в душ, где простоял полчаса, не притрагиваясь к губке. Обтершийся полотенцем, он

не удосужился надеть на себя халат, рухнул в кровать, превратив лебедя в раздавленного гуся.

Все записки датированные – даже в таком деле Клавдия проявила пунктуальность. Бурак расположил четыре листка в хронологическом порядке.

– Для чего такая старомодность, писать письма на бумаге? – вопрос был брошен женщиной в пустоту, ответа на него не последовало.

Первое письмо от шестого августа.

Милый И.!

Боюсь писать твое имя. Нет, не нужно считать меня суеверной – я человек без предубеждений. Просто страховка. Спасибо, что согласился на переписку.

Мне кажется, это так здорово – найти родственную душу в другом мире! Ох, И., ты даже не представляешь, насколько мы близки. Ты, как я в прошлом, прямо сейчас на таком же перепутье, на каком мне повелось оказаться в двадцать лет. До встречи с мужем я работала за кассой в Tesco Cafe, носила дешевые принты и мерзла на ночных рейсах, вела типичную и унылую жизнь.

Но я всегда мечтала о лучшем! Особенно когда есть с чем сравнить, а сделать это не так сложно: не надо в другую страну ездить, вот, ночь, улица, кованный фонарь, частная постройка, забор кирпичом...

Когда появился в моей жизни Бурак, я восприняла это как знак судьбы: влюбилась по-простому, банальная встреча на

работе, стаканчик эспрессо за один девяносто, симпатичный разговор, всё закрутилось, и всё по-простому – забыть-ся, влюбиться и всё. Хотелось подняться выше, причуддилось, что для этого нужен толчок, ступень или лестница, и Бурак казался для такого лучшей пассией.

Сейчас я так не считаю. Встретившись с тобой, И., поняла: поворот не туда.

Ты – тот, кого мне не хватало! Прошу о встрече, завтра в 7 рт.

Обнимаю

Бурак в смущении отложил письмо в сторону. Как необычно. Где же признания, полные похоти? Нет, он всё так же хотел прочитать все письма, но внутри нарастало сомнение.

Он взял в руки второе письмо:

Милый И.!

Я знаю, как не нравится тебе переписываться на бумаге. Боюсь, что Бурак может листать мою переписку на телефоне. Давай не будем рисковать?

Твоя орхидея великолепна! Белая, чистая, бархатная, какая прекрасная веточка. Жаль, что я не могла занести его в номер, ведь вопросы, как пророненный горох, упадут на мою голову. Пришлось оставить веточку на ресепшене – там как раз стояла большая ваза с точно такими же орхидеями!

Нет, ты не обижайся. Нисколько не обесцениваю твой подарок. В последний раз я получала от мужа цветы че-

тыре года тому назад. Куда подевался его любовный романтизм? Ясное дело, в ЖИВОТ! Как жестоко меняются наши любовники.

Мы знакомы всего четыре дня, но кажется, что были знакомы всегда. И с каждой минутой наедине чувствую, как близки наши судьбы. Я была обычной кассиршей. Ты сейчас обычный официант в отеле. Но ты мечтаешь. Как же прекрасно мечтать, да?

Вот бы их соединить, наши мечты...

Прошу о встрече, завтра в 9 рт (раньше не смогу)

Что-то внесло перемену в настрое Бурака. В неприятном чувстве он поднялся с постели. Тело съежилось, он стал подмерзать. Одевшись в халат, мужчина взял с тарелки остывший картофельный шарик – от перенапряжения у него заболел желудок, требовалось закусить.

Внутри него рос протест. Он ожидал пошлости, да, самой натуральной пошлости и несложных предложений с приглашением на секс, а в письмах Клавдия совсем не делится пошлятиной! И как много упреков в мой адрес. А этот Исмаил? Обычный официант? Не слишком ли высокие рассуждения Клавдия подарила ему?

Третье письмо, от девятого августа, было украшено блестками, розочками и бабочками, нотки духов Клавдии утонченно шли от

Милый Медвежонок,

очень нуждаюсь во встрече. Только ты меня выслушива-

ешь без всяких но.

Давай сегодня в 3-5 рт? Получится? Умоляю! Я должна это кому-то рассказать...

Бурак вздохнул. Всё не так, как он думал. Он чувствовал себя ущемлённым. До сих пор ему не удалось найти ни намека на пошлость или измену.

«Какие-то разговоры, переживания, а ещё обвинения и упреки, – разочаровано говорил про себя Бурак. – И что с этим делать? Что за секрет Клавдия желала сообщить этому подонку? И почему мне не рассказала, мне, законному, черт побери, мужу!»

Осталась последняя записка.

Дорогой Исмаил,

Меня переполняет чувство безмерной благодарности. Спасибо тебе за то, что ты есть. Мне очень больно осознавать, как драматично развивается наша дружба.

Быть может, я оглупела с возрастом, но ты сразил меня. Своей чуткостью, вниманием и заботой, отношением к мелочам. Надеюсь, что наш обмен чувствами равен, и ты получаешь именно то, что просишь от меня в каждом нашем разговоре.

Сегодня утром вышла на балкон. Не читалось, думала только о тебе. Позволь ещё раз пригласить поехать со мной. Я всё обеспечу. О муже не беспокойся – жирный скупердяй спохватится только тогда, когда отравится протухшей едой в холодильнике. Ему глубоко плевать на меня и мои

потребности. А я женщина с богатейшим миром. Да я ещё в детстве состояла в Young Greens! И облила кетчупом подсолнухи Ван Гога! Чего же добился мой муж? Каких взглядов, каких идей он придерживается?

Ни-ка-ких, просто – ни-ка-ких!

Ещё я много размышляла над твоими словами. Как важно вслушиваться в речи других. Каждое слово я с искушением пробую, ещё и ещё, пока не найду все смыслы. Будто ем клубнику, если торопиться с ней, то не раскроешь все оттенки вкуса.

Ключ к каждой глубокой мысли находится во времени. Это самое дорогое, что у нас есть. Бесконечно жаль, что отдала так много часов на жадного, тщеславного и бессердечного мужика со скверным характером и полным безразличием к моей натуре. Я зависела от него, денежно и психологически, и чувство рабства наполняло мой разум каждую ночь перед сном.

Он мелок и слаб, а ты крупен и силен.

Бурак – карлик. А ты гигант!

Да, мне не стыдно это сказать, Исмаил, но ты гигант, за эти семь дней я познала, что такое быть любимой и счастливой. Теперь могу сказать, что я Человек. И мне очень многое предстоит изменить, улучшить, развить, чтобы раскрыть себя самодостаточной и уверенной.

Поможешь мне в этом? Для жизни нужен компаньон, такой же внимательный, как ты.

Всё, решено! Я пойду учиться в университет, и пусть растрачу все накопления, но получу ВА. С детства мечтала о свободе и самостоятельности.

Ты когда-нибудь был в библиотеке? Ох, Исмаил, мы просто обязаны посетить библиотеку. Запах шоколада от старых книг просто неопишлем.

Я помню, что ты просил вчера о встрече. Не смогла, потому что карлик весь вечер жаловался на изжогу и пристал ко мне. Он всегда так делает, если ему плохо, то будет докучать и обижать.

Сегодня смогу. Обещаю. Ты же хотел чего-нибудь серьезного? Хорошо. Место встречи помню. Обнимаю, до встречи
в 6 рт

Бурак прочитал последнее письмо несколько раз, не меньше шести, всё более углубляясь в бездну. Тело дрожало, халат не грел.

– Я – карлик? – спросил себя вслух Бурак.

Он отложил все листки на письменный стол, но взгляд то и дело возвращался к ним; тогда он собрал их в пакет и положил в комод, поглубже, в самый тёмный угол. На часах было три часа, появилась острая нужда в собеседнике, и потому он прямо в халате и тапочках спустился в бар.

Футболистов нигде не было, но последствия побоища всё ещё разгребали. Бармен, крепкий, турок с некрасивой головой, закивал: «Не работаем!» Идя обратно, с ним случайно столкнулся Мехмед, спешивший с ведрами на полотеру.

– Я не карлик, – с обидой сказал ему Бурак.

– Простите, простите, – залепетал Мехмед, помогая гостю встать. – Скажите, вас не донимают клопы?

– Что? – Бурак интенсивно захлопал ресницами.

– Клоп. Маленький такой, малюсенький, мы обработали номер, не беспокойтесь! Из вежливости спрашиваю, беспокоит ли ещё этот карликовый сорванец.

Бурак позеленел.

– Я не карлик. Я тебе не клоп. Иди ты к чёрту! Вон, с глаз долой, уходи, уходи немедленно!

Вернувшись, он лег на кровать, укутавшись в два одеяла и включив кондиционер. Тело горело, был озноб, но Бураку всё равно казалось, что его покрыли кубиками льда. За окнами сверкала утихающая гроза, смиренно бил гром.

– До чего же холодно, аж зубы стучат!

Сон не пришел. К утру провалявшийся в постели Бурак находился в крайней степени истощения. Его вызвали к полицейским, и он всё молча подписал, отвечал на вопросы коротко и без возмутительных сцен, чем вызвал удивление у вчерашней прислуги.

– Чего это с ним? – спросил Мехмед у своего начальника. – Вчера таким буяном был.

– Мехмед, иди работать! – пшикнул метрдотель на подчиненного.

В следствии, видимо, особо не нуждались, либо начальник полиции, уставший после поездки, не нашел причин для

задержания Бурака. Оформив смертельную измену Клавдии под несчастный случай с химическим отравлением, отелю предписали штраф и обязательство по хранению инсектицидов в безопасном месте. Постояльцы думали, что в черных мешках лежали славянские футболисты, с шумом устроившие вчерашний погром.

Метрдотель любезно сопроводил молчащего, громко стучащего зубами вдовца до аэропорта, однако в какой-то момент испарился без слов прощания. Гроб прошел все необходимые бюрократии на удивление быстро, словно прокатился по шелку. Бурак, у стойки привстав на носки туфель, просил себе пассажирское место, где теплее всего; сотрудница вежливо отвечала, что на борту самолета ему будет тепло и уютно в любом кресле независимо от его расположения в салоне.

До чего же холодно у вас в терминале, смертельно холодно, – пожаловался съездившийся Бурак.